

ОЛЬГА КРЮЧКОВА

СТАРОВЕР

Ольга Евгеньевна Крючкова
Старовер
Серия «Сибирский приключенческий роман»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12160620
Старовер/ Крючкова О.Е.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-1851-2, 978-5-4444-8002-1

Аннотация

Погожим летним днем житель старинного сибирского села Спасское встретил на лесной дороге странного бородатого человека в холщовой рубахе и с деревянным нательным крестом. Селянин подобрал пришельца и привез в деревню. Но вскоре Старовер, как его прозвали в Спасском, начинает вести себя странно. Он вдруг признает в молодой девушке свою жену и заявляет, что они венчаны в 1921 году! Местный краевед и учитель неожиданно обнаруживает портрет Старовера в архиве времен Гражданской войны и узнает, что тот имел какое-то отношение к сокрытию части золотой казны адмирала Колчака...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	44
-----------------------------------	----

Ольга Крючкова

Старовер

*Генералу Каппелю – легендарному воину, мужу, отцу
и просто человеку, а также всем белым офицерам,
погибшим за Великую Россию, – посвящаю*

Восточная Сибирь. 1994 год. Недалеко от села Венгерово

Григорий Венгеров, сидя на телеге, мирно правил лошадьё. Его старая кобыла, рыжая в белых пятнах, понунив голову, неспешно плелась по пыльной дороге. Август нынешнего года выдался жарким, дожди выпадали редко. Несмотря на жару, в полях колосились янтарные наливные хлеба, терпеливо дожидаясь жатвы.

Григорий сидел на краю старой скрипучей телеги, держа в руках вожжи. Солнце входило в зенит – пекло нещадно.

– Эх... – бурчал себе под нос Григорий, – надобно было раньше выезжать... Вот попал в самое пекло... Вон рубашка вся на спине взмокла...

Григорий поёжился. Мокрая от пота рубаха неприятно липла к телу.

– Да так твою через так... – выругался Григорий, – снять, что ли, рубаху-то? А снимешь – на солнце поджаришься, шкура потом чулком слезать будет... Эх...

Дорога петляла среди полей. От набегавшего ветерка приятно шуршали золотые хлеба.

Григорий огляделся по сторонам.

– Эх, Наталья, не дожила ты до сегодняшнего дня... – сокрушённо произнёс он. После смерти жены Григорий часто разговаривал сам с собой. Тем паче, что дочь выросла и умчалась в город на поиски лучшей доли. – Красота-то какая... Жара, а хлеб прёт что есть силы. Недаром зима снежная была, видать, хорошо землю талым снегом пропитало... Водички бы попить...

Григорий пошарил правой рукой в телеге и извлёк старую металлическую флягу, в которой по обыкновению хранил воду. Отвинтил крышку, поднёс к губам, сделал глубокий глоток, отёр рукой губы и подбородок.

– Тёплая водичка-то, фляга накалилась от солнышка, хоть и сеном её укрыл... Да ладно, умыться сойдёт...

Он аккуратно положил вожжи на телегу рядом с собой и, плеснув из фляги на ладонь воды, омыл лицо.

– Эй, Рыжуха! – обратился он к своей старой кобыле. – Поди, устала, родная? Водички испить не хочешь?

Кобыла, словно поняв слова хозяина, фыркнула и в тот же миг остановилась. Григорий слез с телеги и подошёл к ней, обнял за морду. Рыжуха дотронулась до хозяйской щеки сухими губами.

– Умная ты живность, Рыжуха. И, почитай, теперь ты – вся моя семья... Да и, пожалуй, пёс Гошка ещё остался...

Григорий налил пригоршню воды и отёр морду Рыжухи. Та фыркнула с явным удовлетворением. Затем он напоил лошадь, выливая воду на ладонь прямо из фляги.

Пожилой мужчина снова сел в телегу, взял вожжи.

– Но-о-о! Родимая! – прикрикнул он на лошадь. – Пошла!

Рыжуха поплелась по дороге, идущей прямо к лесу.

– Сейчас в лес въедем! Полегче станет... Может, отдохнём немножко...

Сообразительная живность кивнула...

Григорий, не выдержав пекла, извлёк из телеги старую ситцевую кепку, которую ему сшила жена лет двадцать назад, и нахлобучил на голову.

– В следующий раз зонтик возьму... – решил он. – И Рыжухе панаму надену...

С такими мыслями Григорий продолжил свой путь.

Неожиданно от леса отделилась фигура и направилась прямо по дороге навстречу телеге. Григорий слыл мужиком отнюдь не пугливым, однако с опаской глянул на косу, лежавшую в телеге, и придвинул её поближе, чтобы было сподручней схватить в случае надобности.

– Кого там несёт? В такой-то неурочный час? В полуденную жару мало кто пешком по дорогам шастает...

Григорий невольно прищурился, пытаясь получше разглядеть приближающегося незнакомца.

По дороге неспешно, чуть покачиваясь, шёл высокий бородатый мужчина, облачённый в длинную холщовую рубаху и такие же порты. На груди его отчётливо виднелся крупный крест...

– Да так твою через так! Неужто старовер?! Случилось чего? Староверы просто так из лесу не выходят... Тем более по одному... – вслух размышлял Григорий.

О поселении староверов в здешнем лесу знали все местные жители. Когда-то в семнадцатом веке во времена великого церковного раскола перебрались они сюда, дабы сохранить чистоту души и веры. В те времена вокруг деревянного форта, ныне села Венгерово, простиралась непроходимая глушь, леса подступали почти что вплотную. Спустя два столетия на месте форта появилось селение, именовавшееся поначалу Голопупово, а затем – Спасское.

История села началась в середине восемнадцатого века, когда в здешних местах по указу чиновников поселились ямщики Тарского уезда. В документах тех времён значилась следующая формулировка: «Создать поселение на проезжей вдоль Тартаса¹ дороге с целью ведения ямщицкого дела». Позже эти же чиновники для ревизской сказки проводили перепись населения и окрестили село Голопуповым. Потому как вышли им навстречу мальцы с голыми пупками (а дело было летом) и на вопрос «Почему голые?» ответили: «Лён не сеём, мануфактурные фабрики далеко, живём бедно, вот и приходится бегать с голыми пупами». Так и стало селение Голопуповым.

В начале девятнадцатого века в селе построили церковь Святого Спаса. И переименовали Голопупово в Спасское. С постройкой церкви село быстро стало процветающим административным центром Усть-Тартасской волости, а заодно – и частью Сибирского тракта. Каждый год в Спасском устраивали три ярмарки: в январе – Крещенскую, в начале лета – Троицкую и в ноябре – Михайловскую.

А после польских волнений в село Спасское ссылали политически ненадёжных поляков. Появились в селе Якобовские, Киприсы, Слабуны, Лавреновичи, Хлюстовские, Янкуласы, Венгеровы, Бобровские. И смешалась сибирская и польская кровь – дала потомков гордых, красивых, предприимчивых.

В 1907 году село Спасское Томской губернии при реке Тартас описывалось следующим образом: «Жителей 1350 душ. Церковь каменная, римско-католический молитвенный дом, сельское училище, странноприимный дом, врачебно-приемный покой, почтово-телеграфная контора, три ярмарки, из них главная с 8 по 16 ноября с оборотом до 150 000 руб. Жировые, кожевенные и мануфактурные товары по преимуществу, еженедельные базары, три кожевенных завода, водяная мельница, много лавок и сельский хлебозапасный магазин. Селение хорошо обустроено и считается одним из наиболее торговых и зажиточных в уезде».

¹ Тартас (от кетского «тар» – выдра, «тас» – река) – река в Новосибирской области России, правый приток реки Омь.

Позже, при советской власти, село было переименовано в Венгерово по имени уроженца Михаила Венгерова, деда Григория, солдата царской армии и участника Первой мировой войны, а позже – командира партизанского отряда, расстрелянного колчаковцами за предательство.

По сей день селяне помнили историю о спецотряде Колчака, нагрянувшем зимой 1920 года как снег на голову. Было тогда при отряде много конных подвод, тяжело гружённых. Остановились подводы, не доходя села... А потом все разом куда-то пропали. Что привезли с собой колчаковцы? – селяне только могли догадываться. По тогдашнему Спасскому поползли слухи: мол, отрядил адмирал Колчак верных людей припрятать своё добро и важные государственные документы, чтобы не попали в руки большевиков.

...Григорий Венгеров натянул вожжи, Рыжуха послушно остановилась. Старовер медленно, неуверенной походкой, приближался к телеге.

– Больной, что ли? Идёт, словно качается... – рассуждал Григорий. – Да и выглядит странно... Староверы давно уж так не одеваются. Откуда такой взялся?

Наконец старовер поравнялся с телегой, невидящим взором окинул Григория и его лошадь. Григорий невольно поёжился: уж больно высокий был старовер, худой и бледный, словно из гроба встал. Глаза голубые, невидящие, словно подёрнуты поволокой; волосы и борода длинные, всклокоченные...

Однако угрозы Григорий не почуял. А своему внутреннему голосу он доверял всегда.

– День добрый, мил человек... – по старинке произнёс Григорий. Не любил он обращений типа «товарищ» или «гражданин».

Старовер положил правую руку на крест, что-то промычал в ответ и сморгнул. Григорий тотчас отметил про себя длинные белые пальцы незнакомца, явно не знавшие тяжёлого крестьянского труда. И кольцо... Широкое золотое обручальное кольцо с рубиновой вставкой на безымянном пальце правой руки – такого Григорий в своей глуши отродясь не видел.

«Интересно девки пляшут... – подумал Григорий. – А старовер-то, может, и вовсе не старовер... Уж больно чудной...»

– Куда путь держишь, мил человек? – не отступал Григорий.

Старовер мотнул головой, пожал плечами. Набежавший ветерок разметал его длинную нечёсаную бороду по плечам...

– Ты, что ж, немой? – осенило Григория. Старовер потупил очи. – Так ты прости меня, дурака! Разве сразу можно понять: говорящий человек или нет?

Казалось, старовер принял извинения – резко вскинул взор и пристально воззрился на Григория. От этого взгляда селянину стало не по себе.

«Господи, милосердный... Ну и глазищи... И отчего у меня такое чувство, будто где-то видел я этого старовера?...»

– Я направляюсь в село... – миролюбиво продолжил Григорий. – Тебе куда надобно-то? Хоть намекни? Жестом покажи? А ты меня вообще-то слышишь?

Старовер в ответ кивнул.

– Значит, с ушами у тебя всё в порядке. И то хорошо... Ладно, тогда садись в телегу, не бросать же тебя, бедолагу... Вон, худющий-то какой! Тебя чего, братья твои, староверы, голодом морили?

Незнакомец хмыкнул, мотнул головой и сделал робкий шаг к телеге.

– Садись, не робей! – Подбодрил его Григорий. – Я хоть и не старовер, однако больного человека среди дороги не брошу!

Старовер в нерешительности замер на месте.

– Ох, горе ты моё! – воскликнул в сердцах Григорий. – Видать, в конец тебя братья по вере запугали, коли боишься всего. Садись, не обижу убогого. И чем ты им не угодил-то?

Старовер безмолвствовал. Григорий не выдержал, слез с телеги, приблизился к незнакомцу и взял его за руку. От старовера повеяло сладковатым ароматом ладана. Он вздрогнул всем телом от прикосновения Григория.

– Рука-то твоя – кожа да кости... – сокрушённо заметил Григорий. – Вот ведь божьи люди! Своего же голодом заморили. Чем ты не угодил им? Не проявлял должного усердия в молитве?

Григорий, пока сокрушался, успел хорошо разглядеть лицо незнакомца: прямой нос казался особенно длинным из-за худобы лица. Резко выступающие скулы обтянуты бледно-серой кожей; голубые с поволокой глаза ввалились, под ними залегли чёрные тени; высокий лоб прорезали три глубоких морщины; крупный деревянный, почерневший от времени крест висел на впалой груди...

– Пошли, сердешный... – Григорий, держа за руку незнакомца, увлёк его к телеге. – Садись... Да садись же ты, не бойся... – Старовер послушно сел в телегу. – Вот и хорошо...

Григорий также взобрался в телегу, взял вожжи, взмахнул ими, и послушная Рыжуха поплелась по пропечённой солнцем дороге.

– Ко мне приедем, накормлю до отвала! – пообещал Григорий. – Я живу скромно, сейчас такие времена – не разбежишься. Пенсия мизерная, да и ту не приносят. Раньше на кожевенной фабрике работал, теперь она закрыта. Перебиваюсь, как могу... Птицу развожу, козу держу, огород – опять же подспорье. Самогонку гоню – ядрёная! Но душу согревает отменно! Живу я один, дочь в Омск подалась... Уж который год там обретается, замуж вышла, а детей нет... Так что погостишь у меня – не обижу! Молитвы рьяно справлять не заставлю! А там, глядишь, с участковым нашим потолкуем, да и пристроим тебя куда-нибудь! У нас теперь свобода и демократия! Так твою... через так! Свобода вероисповедания... Хочешь – веришь, хочешь – нет... Вот ты, вижу, верить перестал... Понимаю... Я поначалу тоже верил во Всевышнего, в храм наш Спасский ходил, молился... А вот когда жена почти что год умирала – перестал... Нету его, Бога-то! А если и есть, то уж больно он занят своими делами! И на простые земные заботы ему наплевать! Так-то вот!

Григорий тяжело вздохнул: вспомнилась жена, как она болела и угасала у него на глазах в течение года. Он смахнул непрошенную слезу тыльной стороной ладони.

Телега, поскрипывая, медленно катилась по лесной дороге. Рыжуха неспешно плелась впереди, понутив голову, словно внимая горестным словам хозяина.

Деревня староверов. 1994 год

Путь староверов в здешние леса был долог и труден. Не все староверы сумели выжить, преодолев три тысячи вёрст, начиная от Польши до предписанного им удела. А те, кто выжил, поселились в болотистых лесах, разметававшихся по берегам реки Тартас.

Во второй половине семнадцатого века патриарх Никон при поддержке царя Алексея Михайловича Тишайшего провёл церковную реформу, приведя церковные книги и обряды в соответствие с греческими.

В это время в Московии, как называли Россию на Западе, появилось множество иностранцев, в частности немцев-протестантов. Церковные чиновники не донесли до простого народа суть реформы, «совершаемой на его же благо», отчего повсеместно появилось активное противление нововведениям. Тем паче, что в глазах народа это связывалось с непосредственным прибытием иностранцев. Многие священники восприняли происходящие перемены как проявление «западничества и сатанинства».

Правление Алексея Михайловича было ознаменовано многими бунтами, польской войной, заменой серебряной монеты на медную. И в довершение – принятой церковной реформой. Даже после падения патриарха Никона царь не отменил своего решения. В

результате власть получила отчаянное сопротивление монастырей – Соловецкий монастырь осаждался несколько раз, начиная с 1668 по 1676 год. Воевода Мещеринов приказал перевешать всех монахов. В обществе произошёл глубочайший раскол...

Раскольники, староверы, потянулись на земли Речи Посполитой и обосновались на реках Буге, Ветке и Соже. Польские паны охотно принимали беглых москвитов и позволяли им селиться на пустующих землях.

Столетие спустя за западных границах Российской империи существовало множество старообрядческих деревень, которые не подчинялись никому, даже польским воеводам. К тому же старообрядцы давали приют беглым российским крестьянам, а их становилось всё больше.

Екатерина II выражала крайнюю обеспокоенность таким положением дел и подписала специальный указ Сената, в котором призывала староверов вернуться в Россию: «Всем живущим за границу российским раскольникам объявить, что им позволено выходить и селиться особливими слободами не только в Сибири, на Барабинской степи и других порожних и отдаленных местах, но и в Воронежской, Белгородской и Казанской губерниях... Прощаются им все их преступления, разрешается носить бороды и даруется воля в выборе сословия, к какому кто себя отнесет. Определяются также льготы от всех податей и работ сроком на шесть лет».

Однако раскольники не поверили императрице и возвращаться на историческую родину не намеревались. Тогда Екатерина II прибегла к крайним мерам: воспользовавшись раздробленностью и ослаблением власти в Речи Посполитой, царица отправила армию. А точнее сказать: Екатерина II организовала чётко спланированную карательную экспедицию. Возглавил её генерал-майор Маслов. Командуя двумя полками, он окружил поселения раскольников, расположенные на Ветке, пленил двадцать тысяч человек, не обошлось и без кровопролития. Захваченных раскольников согласно монаршему указу он отправил на вечное поселение в Сибирь.

Переброска раскольников из Польши в Сибирь заняла несколько лет и унесла множество жизней ни в чём не повинных людей. Староверов переправляли по двести-триста человек в Калугу как пересылочный лагерь, затем в Казань и далее – Екатеринбург. Часть раскольников перевезли в Соликамск, Верхотурье и Тобольск. Оттуда они расселились по Барабе², Алтаю и Забайкалью.

Группа староверов, возглавляемая отцом Феофилом, спустилась по Тоболу из одноимённого города, затем – по Иртышу и его притокам, в итоге достигнув Тартаса. Там староверы и обрели уже свою «сибирскую родину». Форпост, расположенный на месте селения Венгерова, пытался контролировать расселение староверов, но тщетно. Они ушли в глубь лесов, в болота, там и обустроили своё поселение.

* * *

Шестилетний Васятка сидел в лодке, внимательно взирая на поплавок удочки. Пошёл уже второй час его «рыбной ловли», увы, безрезультатной. Мальчишка вздохнул и левой рукой поправил картуз.

– Видать, Господь прогневался на меня, ежели рыбёху не шлёт. Наверное, я мамку обидел... – Васятка задумался. – Не, Настасьё, сеструху... Не... Бабку Марию... Точно... – Васятка тяжелого вздохнул. – Всё, не будет сегодня рыбёхи... Надобно к берегу грести...

² Бараба – историческое название обширной территории вдоль Транссиба, расположенной примерно от города Барабинск до города Кургат (современная Новосибирская область).

Он бросил удочку на дно лодки, уверенным движением, заправски схватился за вёсла. Озерцо, расположенное вблизи деревни староверов, выглядело небольшим, однако никогда не подводило Васятку – он всегда возвращался с уловом. Но, увы, не на сей раз. Лодка носом упёрлась в берег, поросший травой. Васятка ловким движением бросил вперёд прочную верёвку, сплетенную из конского волоса, чтобы «припарковать» своё «судёнышко», и выбрался на землю. Он извлёк из лодки удочку, берестяной туюсок с червяками и пустое ведро. Взглянув на пустое ведро, он покачал головой.

– Пустым домой приду... Надобно было на другое озеро идти...

Неспешно Васятка побрёл домой. По дороге он не переставал размышлять: кого и как он мог обидеть. И пришёл к выводу: точно, бабу Марию.

...Бабка Мария и пятнадцатилетняя Настасья стояли в избе на коленях перед божницей³ и молились. Мария машинально перебирала лестовку⁴ и беззвучно шевелила губами. Настасья же шёпотом произносила молитвы:

– За молитв Святых Отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас. Аминь... – чуть слышно прошептала она и согнулась в поясной поклоне. Затем перекрестилась и повторила трижды: – Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе всяческих ради.

Бабка Мария краем глаза взглянула на внуку и, отвесив поясной поклон, громко продолжила:

– Боже, очисти мя грешного, яко николиже благо сотворих пред Тобою, но избави мя от лукаваго, и да будет во мне воля Твоя, да неосужденно отверзу уста моя недостойная и восхвалю имя Твое святое: Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь...

Настасья, словно эхо, вторила бабушке Марии. После слова «Аминь» молящиеся одновременно припали к полу в поклоне.

– А ещё, Господи, прошу тебя, – уже от себя, по привычке, добавила бабушка Мария, – помоги родичу моему, Алексею Вишневному. Негоже человеку висеть столько лет между жизнью и смертью. Великий Боже, определи его место: либо среди нас, либо заberi его к себе. Муки он принял тяжелые и иного не заслужил...

Бабка Мария с усилием воли поднялась с пола. В последнее время поясница сильно побаливала. Внучка также поднялась на ноги.

– Бабуля, давай поясницу настоем смажу, всё полегчает... – предложила она.

Бабка Мария, теребя лестовку, ответила:

– На ночь смажешь, после вечерней молитвы. А теперь пойдём к нему. Обиходить человека надобно: помыть, прибрать, постричь да покормить... – Мария двуперстием размашисто осенила себя крестом. – Господи, неужто он столько нагрешил, что места ему нет ни в раю, ни в аду?.. Не приведи Господи душе вот так скитаться...

– Бабуля, так душа его не скитается, он же не умер... – робко возразила Настасья.

– Он ни жив и ни мёртв... Господи, пожалей его... – Мария снова осенила себя крестом. – Сколь помню себя – об нём молюсь. Девицей ещё была, с матерью к нему ходила, помогала прибирать... Сначала боялась до смерти, потом привыкла: всё же как-никак – дед мой. А ты не боишься его?

Настасья мотнула головой.

– Не-а... А чего его бояться-то. Отец рассказывал, что прапрадед красивый был, Бога почитал... России верой и правдой служил.

³ Божница – красный угол у староверов, где располагались иконы.

⁴ Лестовка – распространенный на Древней Руси и сохранившийся в обиходе старообрядцев тип чётков. Представляет собой плетёную кожаную или из другого материала ленту, сшитую в виде петли. Знаменует одновременно и лестницу (лестницу) духовного восхождения от земли на небо, и замкнутый круг, образ вечной и непрестанной молитвы. Употребляется лестовка для облегчения подсчёта молитв и поклонов, позволяя сосредоточить внимание на молитвах.

– Почитал... – буркнула бабка Мария. – Видать, недостаточно почитал, раз такую судьбу ему уготовил Господь. Ладно, бери всё необходимое и пойдём... Дел ещё по дому полно...

Не успели бабка Мария и Настасья выйти из дома, как повстречали Васятку.

– Ох, горюшко ты моё! – в сердцах воскликнула бабка Мария. – Ведро-то пустое! Не к добру...

Васятка растерялся.

– Ба, ты прости меня, не ругайся... Рыбёха не ловилась, словно ушла из озера... Господь на меня прогневался за непослушание – вчера ты меня наказала...

Васятка сокрушённо вздохнул и потупил взор.

У старой женщины сердце ёкнуло.

– Ну что ты, Васятка! – она подошла к внуку и прижала его к себе. – Наказала я тебя вчера и уверена: у Господа есть более важные дела, нежели твоё непослушание. А рыбёху всю переловили. Да и жара стоит: озеро небось обмелело... В другом месте полови...

Васятка с облегчением вздохнул.

– Значит, ты не серчаешь на меня?

Мария улыбнулась.

– А куда вы собрались? – не унимался любопытный Васятка, разглядывая увесистый узел в руках старшей сестры.

– К прапрадеду твоему, на болота... – ответила Мария.

– А-а-а... – протянул мальчишка. – Понятно... Я за него помолюсь сегодня...

* * *

Бабка Мария уверенно шла по багле – едва заметной выстланной брёвнышками дорожке, вьющейся сквозь болото. Настасья шаг в шаг семенила за ней: чуть оступишься и всё – угодишь напрямик в бадаран⁵, поросший болотной ряской. А там – поминай, как звали: засосёт трясина, лишь пузыри на поверхности и останутся.

Где-то недалеко чирикал болотный кулик, ему бойко вторила авдотья...

Настасья аккуратно передвигалась по багле, размышляя: «Скоро Авдотья-малиновка и Евдокия-огуречница... Надобно за лесной малиной сходить, на зиму засушить... Да огурцы собрать – засолить... За ними Евстигней-житник... А там и Яблочный Спас подоспеет с наливными плодами... И Дожинки не за горами...»

Мысли же Марии были заняты отнюдь не делами насущными. Она думала о своём отчине Глебе Вишневском, умершем двадцать лет назад. Глеба в деревне староверов особенно уважали, несмотря на то, что вырос он в Спасском, был женат, воевал с фашистами. Вернувшись с фронта, Глеб ушёл к староверам и с той поры деревни не покидал. Первое время к нему пару раз приходила старая женщина. Но после того, как Глеб женился на вдове из селения, контакты с внешним миром и вовсе прекратил.

Мария считала Глеба своим отцом, ей было всего-то пять лет, когда мать вышла замуж за Вишневого. По фамилии отчима староверы называли и Марию. Поэтому она считала себя причастной ко всем делам своего отца.

Она знала, что Глеб хранит какую-то тайну. Куда-то уходит на болота вместе с матерью... Возвращались они оттуда молчаливые, отчим отчего-то грустил по несколько дней кряду.

Когда Мария выросла, матушка отвела её на болота. Она помнила, как впервые шла по шаткой багле. Девушка недоумевала: куда матушка её ведёт? Зачем? Пока они не достигли

⁵ Бадаран – окошки в болотистых местах, где можно провалиться.

острова, затерянного в лесных болотах. Багля закончилась, девушка ступила на твёрдую почву. Едва заметная тропинка, ниткой извивавшаяся среди болотного багульника, переметавшегося с боровой маткой и топяной сушеницей, вела аккуратно к землянке. Из узкой трубы, торчавшей из тайного жилища, струился чуть заметный дымок.

Мать и дочь по шатким деревянным ступенькам спустились в землянку. В жилище царил сумрак. Свет скудно проникал через оконце, затянутое бычьим пузырьём. Мария увидела небольшую печь в углу, в ней еле-еле теплился огонь. Посреди жилища стоял стол, два табурета, сундук... и кровать. На ней неподвижно лежал мужчина.

Девушка удивилась.

– Кто это, матушка? Неужели бальник?⁶ Говорят, он умер, почитай, как лет пятнадцать назад.

– Точно, умер... – согласилась мать. – Кости его давно уж гниют в болотной земле. Это твой дед, Алексей Вишневский.

Девушка замерла с расширенными от удивления глазами.

– Дед? В смысле отец моего отца... отчима? – уточнила она, очнувшись.

– Он самый... Белый офицер, у Колчака служил... – пояснила мать и подошла к кровати. – Ну, здравствуй, родич.

Мария, заинтригованная, последовала за матерью: на кровати лежал мужчина, укрытый меховым одеялом до подбородка – ранней осенью в землянке было уже прохладно. На одеяле, сшитом из беличьих шкурок, разметалась длинная борода...

С тех пор ухаживать за Алексеем Вишневым стало обязанностью Марии. Она приходила на болотный остров в любое время года и в любую погоду: летом два-три раза в неделю, зимой – через день, надев короткие охотничьи лыжи. В стужу надо было поддерживать тепло в землянке.

Скоро эта обязанность должна перейти Настасье, так как Мария всё чаще стала ощущать, что силы постепенно покидают её.

Мария и Настасья наконец достигли землянки, спустились по ступеням вниз – открыли небольшую деревянную дверь, почерневшую от болотных туманов. Старые проржавевшие петли предательски скрипнули – визитёры вошли в жилище.

– Разожги печь, воды согрей... – по обыкновению распорядилась Мария и направилась к постели. Настасья положила увесистый узел на стол и начала его развязывать.

– Господь Всемогуший! Помилуй нас грешных! – возопила Мария, стоя у кровати. Её дрожащая правая рука взметнулась в воздух со староверческим двуперстием и неподвижно застыла.

– Бабуля, что случилось? – бросилась к ней Настасья и, увидев пустую кровать, простодушно спросила: – А где прадед-то? Куда он делся? Неужто звери сожрали?

– Кабы зверьё его сгрызло, остались бы следы – кровь и кости... – уверенным голосом ответила Мария. – Он очнулся и ушёл...

– Господи милостивый! Что же будет-то? – запричитала Настасья. – Он же словно дитё неразумное... Его же каждый обидит...

– Бери узел – уходим. Нам здесь больше делать нечего! – решительно распорядилась Мария. – Возвращаемся в деревню. О случившемся молчи, как рыба об лёд! Поняла?

Настасья кивнула.

– Поняла, чего не понять-то... Как рыба об лёд, молчать буду... Помоги ему Господи, – сказала она и осенила себя двуперстием.

Мария и Настасья спешно вернулись в деревню. Внучка отправилась домой, а бабка – напрямик к священнику Акинфию. Время давно перевалило за полдень, Мария знала, что

⁶ Бальник – колдун, знахарь.

в этот час Акинфия можно застать в огороде за молельным домом. Акинфий считался не только духовным лидером староверов, но и отличным земледельцем, в частности – огородником. До недавнего времени Акинфий трудился с единоверцами в поле. Но теперь в силу почтенных лет ограничился лишь садом и огородом.

Настасья вошла в избу, поклонилась в сторону божницы, поставила узел на табурет около печки, рядом с дожиночным снопом⁷, который стоял в течение года с прошлого сбора урожая. Теперь ему недолго осталось – с окончанием жатвы матушка Настасья заменит его на новый. Недолго думая, Настасья отправилась на задний двор, где обычно мать занималась плетением корзин или поделкой туесков. Теперь же она вместе с отцом трудилась на жатве.

Настасья села на скамью, взяла несколько гибких ивовых прутьев и начала плести корзину, мысленно моля Господа за Алексея Вишневого.

...Мария спешно миновала центральную улицу, деревня староверов насчитывала сто двадцать домов, и свернула в направлении молельного дома. Женщина осенила себя двуперстием, огляделась – вокруг ни души, староверы занимались каждый своим делом. Она прошмыгнула в калитку, ведущую в огород.

Пройдя среди плодовых деревьев, Мария оказалась непосредственно в огороде. Акинфий, облаченный в повседневную домотканую рубаху, расшитую умелой рукой супруги, хлопотал подле огурцов. Священник был стар – недавно ему стукнуло девять десятков лет – однако ещё не потерял проворности и сноровки.

– Бог в помощь, отец Акинфий! – произнесла женщина, стараясь придать голосу ровный спокойный тембр и тем самым скрыть своё волнение.

– Храни тебя Господь, Мария! – ответил Акинфий. – Ты посмотри только, какие уродились огурчики! Будет, что убирать на Евдокию-огуречницу.

Мария приблизилась к Акинфию.

– Я только что с болота... – тихо сказала она и заговорщически посмотрела на священника.

Акинфий встрепенулся.

– Как там раб Божий Алексей? – настороженно спросил он, почуяв неладное.

– Пропал... – коротко ответила женщина.

Акинфий осенил себя двуперстием.

– Очнулся, стало быть... Это через столько лет! Точно говорится: пути Господни неисповедимы! Помню его молодым, красивым, статным офицером... Сколько же мне тогда было?... Лет шестнадцать, не боле!

– Что делать, отец Акинфий? – волновалась Мария.

Тот пожал сухонькими плечами.

– Да ничего, матушка. Ничего... То, что он очнулся, – промысел Божий. Если хотите – чудо! Знать, Господь возложил на него свой перст, пробудил и отправил в мир людской.

– Да как же он там уцелеет? – волновалась Мария. – И как из леса выйдет?

Акинфий улыбнулся.

– Коли Алексей по багле прошёл, не оступился в болото (а я в этом не сомневаюсь), то и из леса выйдет. Господь его не оставит. Чудо, что он после стольких лет смог очнуться и своими ногами уйти. Ты только верь, матушка...

– Я верю... Но боюсь за него... – Мария смахнула тыльной стороной руки слезинку со щеки.

⁷ Дожиночный сноп – собирався в последние дни жатвы. Каждая женщина, участвовавшая в жатве, складывала в него по колоску. Хранился в избе около печки или около божницы. Стоял в течение года и менялся со сбором нового урожая. Согласно поверьям приносил в дом достаток, благополучие, мир, удачу.

– А ты молись, матушка. И я за него помолюсь. Не всегда нам дано постичь замысел Господа. Знать, дело у Алексея в миру осталось незаконченное. Вот уладит человек все свои дела, и приберёт его Господь. У каждого из нас своя дорога к Всевышнему.

Село Венгерово. 1994 год

Телега Григория приблизилась к селу. Рыжуха, почуяв близость дома, пару раз всхрапнула и, снова понутив голову, поплелась уже по сельской дороге.

– Почти добрались... – констатировал Григорий. – Ещё немного осталось...

Телега, поскрипывая, приближалась к центру села – церкви Святого Спаса. Старовер, словно пробудившись ото сна, всем телом подался вперёд, а затем промычал что-то невнятное, указывая длинными перстами правой руки на церковь.

– Церковь Святого Спаса... Самая красивая в области... Во времена Сталина с неё все купола снесли и кресты. Теперь вот восстанавливают... Говорят, будет возведён храм Преподобномученицы княгини Елизаветы, вон уже и фундамент закладывают. А часовню Параскевы Пятницы уже освятили... Так что, ежели хочешь, – иди помолись...

Старовер молчал, по его щекам струились слёзы и бесследно пропадали в длинной бороде. Григорий оглянулся и пристальным взором смерил незнакомца.

– Что, давно в Венгерово не был? Перемен много... Говорят, скоро жизнь наладится и заживём мы в развитом капитализме. Да так твою через так! Только я во все эти сказки не верю. Нам давно ещё обещали, что будем жить при коммунизме, а деньги станут за ненадобностью. Каждому, мол, по потребностям, а от каждого – по способностям! А теперь развалили всё подчистую, разворовали! Три кожевенных завода на селе были... И что? Где они теперь? Стоят, не работают... Неужто обувка никому не нужна? А церковь восстанавливают... Пусть я не верую, но дело хорошее... Эх, за что отцы наши воевали и деды? За то, чтобы народное добро растащили?! Деда моего Михаила Венгерово колчаковцы расстреляли, а до этого пытали нещадно... Памятник ему стоит в центре города... Не удивлюсь, если в одно прекрасное время снесут: скажут, пережиток прошлого...

Григорий что-то говорил о своём, о наболевшем. Старовер же долго смотрел на церковь, провожая её взором, из его глаз струились слёзы.

Так за монологом Григорий подкатил к дому, соскочил с телеги, отворил выкрашенные коричневой краской ворота. Рыжуха, умная животиная, сама зашла во двор и остановилась. Из будки выскочил пёс Гошка, приветливо тявкнул, пробежался вокруг телеги. Григорий затворил ворота и начал распрягать лошадь, затем отвёл в стойло и наполнил бадейку чистой водой. Рыжуха тотчас припала к ней губами.

Старовер сидел на телеге посреди двора. Подле него крутился Гошка, с интересом поглядывая на гостя.

Григорий завёл Старовера через сени в дом. Обстановка была простой, что выдавало одинокий образ жизни хозяина. На столе стояла пара глиняных горшков, на плоской тарелке с надколотым краем лежал молодой зелёный лук и редис, чуть поодаль – хлеб, нарезанный толстыми ломтями. На выкрашенном белой краской деревянном буфете примостилась серая кошка. При виде хозяина она смачно зевнула, томно вытянула передние лапки и осталась лежать на прежнем месте.

Горницу в три окна от спальни отделяли ситцевые цветастые занавески, повешенные ещё заботливой рукой ныне покойной хозяйки. С тех пор Григорий в жилище ничего не менял. Всё осталось, как прежде при жене.

В правом углу от входа висели иконы. Григорий, хоть и разочаровался в Господе, убрать их так и не решился. Лишь изредка смахивал с них пыль, свечей не разжигал. Между окнами, украшенными белыми занавесками с ришелье, виднелись в самодельных рамках старые

фотографии начала века, времён Второй мировой войны, шестидесятых годов, когда Григорий и его жена были молоды и полны надежд на будущее. Современным фото здесь места не нашлось.

Старовер, как столб, стоял подле двери.

– Да ты проходи, садись, – Григорий жестом указал на диван, застеленный гобеленовой накидкой, купленной в местном сельпо. Над диваном красовался плюшевый коврик с изображением оленя с ярко-оранжевыми рогами и такими же копытами. – Сейчас одежду тебе подходящую подберу.

Григорий скрылся в спальне. Послышался звук открывшейся двери шифоньера. Старовер тем временем осмотрелся, осторожно прошёл по горнице, остановился около старых фотографий, развешанных между окон. Одна особенно привлекла его внимание. Старовер что-то помычал, снял фото со стены и впился в неё цепким взором.

– Одежда – не абы что, – слышался голос Григория из спальни, – но чистая и не рваная. В ней за венгеровца вполне сойдёшь.

Хозяин вышел из спальни и застал Старовера с фото в руках. Он бросил вещи на диван.

– Чего смотришь? – удивился Григорий. Приблизился к Староверу и принял у него из рук фото. На нём был изображён мужчина лет тридцати пяти в амуниции красноармейца с казачьей шашкой наперевес. – А!!! Так это ж дед мой, Михаил Венгеров. Фотография чудом сохранилась. – Григорий повесил фото на прежнее место. – Давай переодевайся, я сейчас ботинки тебе принесу.

Когда Григорий вернулся из сеней с ботинками в руках, Старовер стоял на прежнем месте.

– Ох, горе ты моё... Давай раздевайся, помогу тебе... – в сердцах произнёс хозяин. – Запуганный ты какой-то... Да никто тебя в моём доме не обидит... Немного очухаешься, да я тебя ко врачу отведу.

Вскоре Старовер, обряженный в обновки, сидел за столом.

– Бери хлеб, лучок, редисочку для аппетита... – хлопотал Григорий. – У меня в печке картошка в мундире варёная стоит. Остыла небось, да ничего, холодной можно с солью поесть.

Григорий извлёк из печки чугунок с картошкой и поставил на стол.

– Вчерашняя, с вечера варил... – пояснил он, открывая крышку. Он извлёк из чугунка большую аппетитную картофелину и протянул гостю. – Держи, прошлого урожая, но сохранилась хорошо, рассыпчатая.

Старовер взял картофелину, покрутил её в руках, понюхал, словно не ел целый век и забыл, как выглядит простая крестьянская пища. Григорий усмехнулся и подумал: «Забили мужика божьи люди вконец... Все мозги растерял, бедолага...»

Затем Старовер надкусил картофелину прямо с кожурой...

Село Спасское. 1894 год

В селе Спасском до Первой мировой войны жизнь была ключом. Небольшие кожевенные заводы, маслобойня, мельница, бесчисленные торговые лавки и ремесленные мастерские исправно работали, обеспечивая селян всем необходимым. Излишки же продукции реализовались на еженедельных ярмарках в центре города.

Селяне жили в достатке, занимались ремеслом и домашним хозяйством, сеяли и жали хлеба, водили скотину и всем были довольны. Никто не хаял существующую власть, никому и в голову не приходило, что вместо царя-батюшки Николая II может править кто-то другой, ну разве что его сын и наследник.

Поляки, сосланные почти что полвека назад в эти места, прижились и пустили глубокие корни. Станислав Хлюстовский, потомок ссыльных поляков, держал свою мастерскую по изготовлению обуви. Кожи он закупал тут же в селе. Его дом, полная чаша – просторный и благоустроенный, радовал глаз. Хозяйничала в доме Злата, жена Станислава, из рода Якубовских.

Сын Николай рос смысленным и подвижным ребёнком. В свои девять лет во всём старался помогать отцу и матери, опекал младшую трёхлетнюю сестру Кристину.

Станислав считал: Николай должен учиться, чтобы полученные знания по письму и арифметике применять на пользу семейного дела. Ибо в мастерской ему нужны грамотные помощники. Поэтому он решил отдать сына в церковно-приходскую школу.

Однажды за завтраком, сидя за столом, Станислав сказал сыну:

– Закончится сезон жатвы – пойдёшь в школу. Подрастёшь – будет, на кого мастерскую оставить.

Николай прожевал хлеб, запил утренним молоком.

– И я смогу читать?

– Сможешь... – подтвердил отец.

– А ты мне купишь книжку про войну? – тотчас выпалил Николай и залпом осушил чашку с молоком.

Отец рассмеялся.

– Матка Боска! – на польский манер воскликнула Злата. – Про какую-такую войну? На что она тебе сдалась? Ты отцу в мастерской пособилай!

Отец рассмеялся.

– Чтение развивает разум! Так говорили мой отец и дед. Если хочешь – достану тебе из сундука книги отца, может, одна и про войну найдётся.

– Хочу! – с готовностью подтвердил Николай.

Злата всплеснула руками.

– Балуетесь вы его, Станислав! Ни к чему мальчишке голову забивать!

Станислав отрицательно покачал головой.

– Не права ты, Злата. Отец твой, земля ему пухом, считал, что грамота – для богатых. Сиречь ни ты, ни братья твои не умеют ни писать, ни читать. А мои дети будут учиться.

– Неужто Кристина тоже? – удивилась жена.

– Девочкам учиться – не грех. – Спокойно отрезал Станислав. – Спасибо за завтрак, дела в мастерской ждут.

Станислав встал из-за стола перекрестился на образа и вышел из горницы.

* * *

Мишка Венгеров пробудился рано, едва светало. Он соскочил с печки, умылся из бадейки, стоявшей подле двери. Надел штаны, рубаху, расстелил на столе старый материн выцветший от времени платок – положил на него краюху хлеба, пару картофелин, кусок рыбы для наживки и завязал в узел.

Родители Мишки ещё спали, отец раскатисто храпел, – скоро пробудится мать, чтобы подоить корову, а затем её выгнать на выпас. Он тихо, чтобы не разбудить домочадцев, выскользнул в сени. Там он взял приготовленный с вечера туесок с червями и удочку.

Раннее утро, едва занималась летняя заря, встретило Мишку влажной от росы травой и ещё свежим ночным воздухом. Он босиком промчался по утопанной дорожке, ведущей к задней калитке, а затем огородами вышел из деревни, направившись аккурат к Тартасу.

Мишка любил утреннюю рыбную ловлю. Он наслаждался нарождающимся рассветом, росой, влажным ароматом трав, пением птиц и... свободой. Свободу он любил больше

всего. Лишь на речке он мог забыть об отце, который постоянно пил и избивал мать и старших сестёр. Мишке поначалу тоже перепало, но затем он научился ловко уворачиваться от отца и прятаться на чердаке. Сёстры не чаяли, скорей бы уж выйти замуж и оставить отеческий дом, да кому они были нужны – бесприданницы. Мишкина мать едва сводила концы с концами и в свои тридцать пять лет вся сгорбилась от непосильного крестьянского труда. От отца проку было мало, он не мог долго удержаться на одной работе – начинал пить, и хозяин выгонял его прочь. Поэтому сёстры рано начали помогать матери по хозяйству. Мишка же, как подросток, каждый день поутру уходил ловить рыбу. Сёстры ловко разделявали улов – жарили, вялили, коптили.

Мишка благополучно добрался до своего излюбленного рыбного места, нацепил червяка на крючок, забросил удочку в воду. Затем он разделся, спустился в реку подле берега, прошёл немного по пояс в воде и нырнул. Над водой он уже появился с садком-рачевней, наполненным раками. Он выбрался на берег, распотрошил рачевню, добычу сложил в сетку и туго её стянул, чтобы раки не выбрались наружу, забросил её в воду подле берега и привязал к специальному воткнутому в землю колышку. Затем положил в пустую рачевню наживку из рыбы, спустился в реку, дошёл до нужного места и нырнул...

Установив садок, Мишка оделся и встал подле удочки. Ему не было холодно – утренние походы по росе и купание в прохладной воде с весны по осень закалили его. Он принялся насвистывать деревенскую песенку, зная, что через пару часов к нему присоединится его друг Колька Хлюст.

Хлюстами на селе называли семейство Хлюстовских. Кто первым придумал такое прозвище, уже кануло в Лету. Хлюстами звали и отца и деда Станислава. Однако, несмотря на такое прозвище, Хлюстовские пользовались заслуженным уважением в Спасском. Станислав был человеком домовитым, работающим, рачительным, но не жадным. Он регулярно жертвовал церкви Святого Спаса деньги, лично принимал участие в ремонте часовни. Беднякам – и такие были в Спасском при всём царившем в нём достатке, как правило, это семьи, потерявшие кормильца, – на Рождество дарил обувь, произведённую в своей мастерской.

Когда Колька Хлюст присоединился к Мишке, тот уже словил трёх увесистых карасей и две щучки. Колька с откровенной завистью посмотрел на улов:

– Матёрые рыбёхи! Везёт же тебе!

Мишка только посмеялся.

– Дык я тут с рассвета торчу! По росе ещё пришёл! Ты бы меньше спал!

Колька недовольно шмыгнул носом.

– Ладно тебе... Садки мои не проверял?..

– Не-а... – мотнул Мишка лохматой кудрявой головой.

Колька разделся и полез в воду: два небольших садка были наполовину заполнены раками.

...Одеваясь, Колька не преминул доложить другу:

– После жатвы пойду учиться... Так батяня решил...

Мишка тяжело вздохнул.

– Я тоже бы хотел грамоте учиться. Можно потом приказчиком в лавке стать.

– Точно! – Колька поддержал друга. – Мамку на старости лет обеспечишь, да сеструхам на приданое наберёшь.

В этот же день за ужином Мишка высказался отцу:

– Грамоте учиться хочу.

Отец чуть ложкой не подавился.

– Баловство всё это! Чем грамота тебе в поле поможет?

– А я в поле работать не хочу. В приказчики пойду... – решительно ответил Мишка отцу.

Тот со всего размаха стукнул ложкой об стол.

– Перед панами польскими спину гнуть будешь?! – рявкнул он. – Они во всех лавках заправляют!

Мишка не растерялся и нашёлся, что ответить отцу:

– Бать, дык лавки-то ихние... Паны их сами построили, товар купили...

Отец аж побагровел от злости и рыкнул, сжав кулаки:

– Как ты смеешь старших оговаривать? Сморчок! Всё дружбу с Хлюстом водишь! Чую панский дух! Не бывать тому!

Мать и сёстры подскочили на скамьях от страха, понимая, что Мишке сейчас достанется сполна.

– Хорош базгальть!⁸ – вдруг оборвала мать. – Поздно уже...

Венгеров-старший недовольно зыркнул на жену.

– Абанат!⁹ Весь в твою породу уродился!

Женщина лишь пожала плечами и примирительно сказала:

– Коли не хочешь, чтоб сын твой на панов горбился, дык он в город может податься.

– А что там? Лучше? – зло бросил отец. – Везде одни кровососы.

Он резко встал из-за стола и вышел из горницы.

– Всё равно пойду учиться... – процедил сквозь зубы Мишка.

Мать испуганно посмотрела на сына.

После жатвы Мишкин отец решил податься в город на заработки. Жена его не останавливала, не уговаривала остаться. Он смастерил деревянный сундучок с ручкой для перевозки вещей. В глубине души женщина испытывала облегчение: «Пусть уходит, без него проживём... Хотя бить перестанет меня и девочек...»

Наконец Венгеров-старший собрал вещи в свежевыделанный сундук. Обвёл глазами горницу, жену и детей.

– Поеду в Омск. Как устроюсь – сообщу. Прощайте...

Мишкина мать пристально посмотрела на мужа, словно хотела запечатлеть его образ напоследок. Она была уверена: муж не вернётся, денег присылать не будет. Теперь она – соломенная вдова. Пятнадцать лет прошло с тех пор, как они обвенчались в церкви Святого Спаса. Была ли между ними тогда любовь?..

* * *

Колька и Мишка сидели за одной партой и старательно, высунув языки от усердия, выводили на листках бумаги остро отточенными гусиными перьями буквы. Мишка посмотрел на свой очередной кривой «Аз» и недовольно фыркнул. Он заглянул в листок соседа – у того буквы получались ровненькие, статные, как девицы на выданье. Мишка почесал за ухом и вздохнул. Обмакнул перо в чернильницу и уже намеревался продолжить свою писанину, как вдруг с кончика пера на молочного цвета бумагу упала чёрная капля и тотчас растеклась неровными краями.

К нему подошёл учитель, подьячий здешней церкви, обучавший отроков прилежному письму.

– Вот незадача-то – клякса... – спокойно констатировал он. – Что ж, бывает... – Подьячий спокойно выдал Мишке чистый лист бумаги и дал наставления: – Пиши с прилежанием, сильно перо в чернила не окунай, только кончик, не то и этот листок кляксами покроется.

⁸ Базгальть (базгальничать) – шалить, дурить.

⁹ Абанат – упрямец.

Мишка кивнул, его русые кудри упали на лоб и прикрыли глаза. Подьячий, зная положение в Мишкиной семье, потрепал мальчишку по голове.

– Оброс ты больно, отрок. Скажи матушке, дабы чуб тебе укоротила. Да скажи ей: пусть до батюшки Александра дойдёт. Ей, как соломенной вдове, помощь общества полагается.

– Скажу... – коротко буркнул Мишка и снова принялся за писанину. Однако кровь прилила к его лицу: «соломенная вдова»... Это звучало в адрес матери оскорбительно. В этот миг Мишка подумал: «Вырасту, уеду в Омск, найду отца и всю морду ему разобью!»

Колька и Мишка регулярно посещали церковную школу. Занятия начинались рано поутру и заканчивались в полдень, чтобы ученики могли помогать родителям по хозяйству. Домашних уроков им не задавали.

В той же церковной школе занимался и женский класс. Девочек обучалось числом много меньше, чем мальчишек. Женский класс был разновозрастной.

Друзья ещё с начала учёбы заметили в школе девочку, статную, как тростинка, белолицую, голубоглазую, с длинной пшеничной косой, перевязанной красной ленточкой. Девчонка жила на другом конце села и звали её Даша Мартынова.

При виде девочки мальчишки испытывали явное волнение. Колька опускал очи долу, Мишка же, напротив, пялился на неё, словно взрослый охальник. Так за переглядками и осень прошла, наконец наступила зима...

Начиная с середины декабря, аж по самое Крещение, в школе наступали каникулы. Селяне рубили в лесу ёлки, дети украшали их самодельными игрушками. Мишка взял отцовский топор, надел лыжи и отправился в лес. Раз он теперь в доме за мужика, то не может оставить мать и сестриц без праздника. Он прошёлся по подлеску, выбрал ёлку, соразмерную своему росту, и ловко срубил.

В день Святого Вонифатия¹⁰, мученика Тимофея и преподобного Илии Муромца Печерского в церкви Святого Спаса отцом Александром была совершена надлежащая служба. Раскатистый голос священника огласил церковь молитвой:

«О многострадальный и всехвальный мучениче Вонифатие! Ко твоему заступлению ныне прибегаем, молений нас, поющих тебе, не отвержи, но милостивно услыши нас. Виждь братию и сестры наша, тяжким недугом пианства одержимыя, виждь того ради от матери своея, Церкви Христовой, и вечного спасения отпадающия. О святой мучениче Вонифатие, коснися сердцу их данною ти от Бога благодатию, скоро возстави от падений греховных и ко спасительному воздержанию приведи их...»

На службе семейство Хлюстовских стояло в первых рядах перед алтарём. Станислав, облачённый в мягкие сапоги и новый лабашак с бархатной отделкой, сшитый женой из отменной шерсти, внимал каждому слову отца Александра. Злата, покрытая новым цветастым платком, казалась умиротворённой, её лица не покидала лёгкая улыбка, словно женщина хотела сказать: «Вот посмотрите на мужа моего, красавца, и детей... Да я ещё бабёнка – хоть куда... И всё у меня хорошо... Живу я в достатке... В Господа верую, и потому не оставляет он меня своей благодатью...»

Маленькую Кристину, также разряженную в новые одежды, на руках держала дюжая нянька. Девочка смирно сидела у неё на левой руке, правой же женщина осеняла время от

¹⁰ Согласно житию Вонифатий был управляющим именьями у знатной римлянки Аглаи, с которой состоял в любовной связи. При этом житие сообщает, что «он был милостив к нищим, любвеобилен к странникам и отзывчив ко всем, находящимся в несчастье; одним оказывал щедрые милостыни, другим с любовью доставлял успокоение, иным с сочувствием оказывал помощь». Аглая, как и Вонифатий, была христианкой и направила его в Малую Азию выкупить мощи мучеников и привезти их к ней. Вонифатий вместе с рабами прибыл в киликийский город Тарс, где стал свидетелем мученичества 20 христиан. Видя их, он открыто исповедал себя христианином, целовал оковы мучеников и отказался принести жертвы языческим богам. Вонифатия подвергли истязаниям.

времени себя крестным знаменем. Николай, также разодетый в пух и прах, пытался сосредоточиться на молитве – ему хотелось обернуться и увидеть Дашу Мартынову...

Семейство Венгеровых с трудом расположилось в церкви у самого входа. Народу набилось – не протолкнуться. Те, кто пришёл позже из соседних деревень, стояли на паперти.

В помещении было душно от дыхания множества людей и воскурений. Среди пёстрой разряженной толпы селян Мишка попытался разглядеть дружка Кольку, но тщетно. Вдруг его взор зацепил стройную девочку, покрытую цвета незабудок платком. Из-под головного убора по спине струилась пшеничного цвета коса. В новой тёмно-синей курме¹¹ она казалась старше своих лет. Мишкино сердце учащённо забилося: она, Дашка Мартынова! Девочка стояла подле родителей и внимала молитве.

Первым порывом Мишки было – пробиться сквозь толпу, подойти к Дашке и взять её за руку. Затем он окинул взором свои потёртые от времени разлапистые выворотилки¹² и большой, не по размеру, зипун. Мишке стало неловко: такая красивая девочка, нарядно одетая, и он рядом – в старой обуви и отцовском перешитом зипуне. Мишка тяжело вздохнул и подумал: «Вырасту, стану приказчиком, приду к Дашке, разряженный в пух и прах, одарю её дорогими подарками...»

После окончания службы поток прихожан вынес Мишку вместе с семьёй на трескучий мороз. Однако он задержался подле паперти, дожидаясь Дашу. Мишка точно не знал, чего он хотел: то ли её, нарядную, разглядеть поближе, то ли прикоснуться к её руке...

Наконец Даша поравнялась с Мишкой, вжавшимся в бледно-жёлтую стену у паперти. Кто-то из прихожан попытался сунуть ему монетку. Мишка машинально, как зачарованный, взял подавание – его взор был прикован к Дашке Мартыновой. Неожиданно девочка повернула голову в его сторону – голубые, небесного цвета, невинные глаза светились добром и умиротворением, на губах играла лёгкая, едва заметная улыбка. Мишка невольно подался вперёд и, оттолкнув пожилую селянку, схватил Дашу за руку.

– Салазган!¹³ – выругалась женщина.

Мишка никак не отреагировал на оскорбление. Он видел перед собой только Дашу... и ощутил в своей руке тепло её ладони. Это продолжалось лишь кроткий миг – поток, выходящий из церкви, оттеснил девочку.

Придя домой, Мишка подумал: «Увижу её в церкви на Рождество, потом на Крещенскую неделю... И на Крещенское катание на санках...»

* * *

По ежегодной традиции после Рождества в лавку Станислава Хлюстовского потянулись нуждающиеся селяне. Хозяин всех без исключения одаривал парой обуви, стараясь подобрать по размеру. За год в мастерской скапливался брак: порой где-то на обуви шов кривой получился, или недолжный крой вышел – такую обувь и раздавал Станислав. Однако бедняки не роптали, от души благодарили поляка, ибо хорошая обувь стоила немалых денег.

В рождественской благотворительности Станиславу всегда помогала жена, на сей раз подвязался и Николай. Он, тщательно осмотрев брак, отобрал подходящие выворотилки и испросил дозволение отца подарить их Мишке Венгерову. Отец не возражал.

Колька, подхватив свой подарок, тотчас помчался к Венгеровым. Войдя в горницу, он увидел Мишкину мать, занимавшуюся прядением. В углу стояла невысокая ёлка, убранная

¹¹ Курма – женская тёплая одежда на вате.

¹² Выворотилки – мужская обувь, сшитая из грубой кожи (шов слева).

¹³ Салазган – оборванец.

самодельными игрушками из цветной бумаги. Увидев гостя, женщина тотчас отложила веретено, ибо негоже прясть в такие дни.

– Бог в помощь, хозяйка! С праздником вас! – Женщина кивнула в ответ. Колька невольно заметил, как она постарела. – А сынок ваш, Мишка, где?

– На санках умчался на речку вместе с сеструхами, там его ищи...

Колька мчался по направлению к Тартасу, мысленно представляя, как закадычный друг Мишка обрадуется обновке.

Заснеженный правый берег Тартаса был полон людьми – шли Рождественские гулянья. Катались на санках, пели песни, словом, веселились, как могли. Мимо Кольки по накатанной дороге промчалась тройка, разукрашенная цветными лентами и бубенцами. В санях сидел молодой человек с залихватски сдвинутой набок татаркой¹⁴, укрывая свою румяную спутницу пологом длинной лисьей шубы. Невольно Колька проникся к ним завистью.

Взрослые и дети катались на санках отдельно. Среди юношей и девушек шли откровенные заигрывания, часто к весне заканчивающиеся свадьбами. Колька направился к толпе ребятишек, от пяти до десяти лет, в надежде найти среди них своего друга. И застыл на месте...

Он увидел, как Мишка усаживался в санки вместе с Дашей. Девочка села впереди Мишки, и он, словно заправский мужик, обнял её за талию. Кто-то из ребят толкнул их санки с крутого берега, и они понеслись вниз, скользя деревянными полозьями. Остолбеневший Колька стоял на берегу, наблюдая за ними потухшим взором. В этот момент он ощутил первое горькое разочарование в своей жизни.

Сани остановились, съехав на замёрзший заснеженный лёд Тартаса, и неожиданно опрокинулись набок. Колька был уверен: это Мишкины проделки. Наверняка он сейчас обжимает Дашку в снегу... От такой мысли Кольке стало жарко, он со всех ног рванул с берега вниз по направлению к Мишке-предателю.

К тому моменту, как Колька добрался до санок, преодолев местами глубокий ненакатанный снег, Даша уже стояла на ногах и Мишка по-хозяйски стряхивал снег с её старенькой курмы.

Неожиданно перед ними, как чёрт из табакерки, вырос Колька. Мишка растерялся и сморгнул. Разрумянившаяся на морозе Даша улыбнулась. В этот момент Колька подумал, что нет девочки красивее её во всем Спасском и даже Большом и Малом Тартасах¹⁵. И от этого ему стало ещё обиднее.

Колька вплотную приблизился к сопернику и сунул ему в грудь выворотилки.

– Накось... Подарок тебе... Носи... – упавшим голосом произнёс он и быстро ушёл прочь.

1904 год. Село Спасское

Наступила осень, рассыпавшая золотые мониста листья. Пеньки в лесу стояли, обсыпанные темно-коричневыми, рыжими и цвета ржавчины опятами.

Михаил улучил свободное время – помчался на свидание к Дарье. Девушка ждала его в условленном месте в лесу – казалось, пожелтевшая трава ещё хранила свидетельство их любви.

Михаил завидел красный платок возлюбленной среди деревьев и ускорил шаг.

– Дашка... – задыхаясь от счастья, произнёс парень. – Дашка...

Девушка взмахнула ресницами.

¹⁴ Татарка – круглая мужская зимняя шапка, сверху суконная, отороченная мехом.

¹⁵ Большой Тартас, Малый Тартас – деревни, расположенные недалеко от села Спасское.

– Заждалась... – простонала она, охваченная любовным нетерпением, и упала в объятия Михаила.

Парень покрыл поцелуями её лицо.

– Два дня тебя на видал, что целую вечность... Соскучился... – признался он. – А ты?

– Тоже...

Девушка ответила на страстный поцелуй и печально опустила глаза.

– Что с тобой? Аль обидел кто?

– Не-е-е... – протянула Даша. – Только тятя мой давеча про тебя со мной говорил...

– Ругал? – поинтересовался Михаил.

Даша тяжело вздохнула.

– Не хвалил... – призналась она.

– А ты скажи бате своему, что я сговорился с Лыковым, что держит скобяную лавку на площади. Ему грамотный работник нужен. По началу приказчику помогать стану... Но а потом, как Бог даст. Денег поднакоплю – сыграем свадьбу по весне.

Девушка улыбнулась...

Михаил стянул с неё платок и губами прильнул к виску, туда, где пульсировала тонкая голубая жилка...

– Ой... – дёрнулась Даша. – Там кто-то есть... среди деревьев...

Михаил оглянулся, всмотрелся в жёлто-красную листву.

– Да нету никого... Померещилось тебе... Небось не батя твой по лесу шастает...

Даша хохотнула.

– Поди, поважнее у него дела есть...

* * *

Смеркалось... Зацелованная, утомлённая любовными утехами, Даша бежала домой. Её тело ещё хранило тепло рук Михаила.

Девушка открыла калитку и тотчас получила удар хворостиной пониже пояса. Она подскочила от неожиданности.

– Бесстыжая девка! С салазганом своим в лесу обжималась?! – ревел отец.

– Батя-я-я... – жалобно протянула Даша. – За что?..

– За то, что обабить себя дала оглоеду безродному! Венгеровы – никудышнее семя! Мужики – кто спился, а кто и вовсе сгинул! Бабы ихние на себе всё хозяйство волокут! Ты такой судьбины хочешь? – ярился отец и хлестал дочь хворостиной куда придётся. Девка визжала, как резаная.

Наконец из дома появилась Дашкина мать.

– Господи! Позор-то какой! – простонала она. – Уже всё село ласы точит об том, как вы любитеесь!

– Коли забрюхатеешь, – ревел отец, – голая к Мишке уйдёшь!!! Приданого не дам ни на грош! Всё равно промотает! Толку от него никакого нет, как от бати его пропащего...

Отец напоследок стегнул хворостиной дочь. Та с ненавистью зыркнула на отца.

– Глаза б твои бесстыжие повыкалывать! Да в помойную яму бросить!

– Батя-я-я... – снова взвыла Дашка.

– Тьфу на тебя... – не выдержал отец. – И замуж теперь никто не возьмёт порченную.

– Помилуй, Матерь Божья, заступница... – запричитала мать. – Что делать-то?

Отец тряхнул пышной седой бородой.

– Раньше надо было думать... Скольким женихам от ворот поворот дали... И ради чего? – сокрушался он. – Скажи салазгану своему, – обратился он к дочери, – пушай зайдёт ко мне – потолкуем по-мужицки, с глазу на глаз...

Дашка громко всхлипнула.

– Батя, Мишка – не салазган... Он место в скобяной лавке у Лыкова нашёл... Сговорился уже...

Отец замер от удивления.

– Брешет небось! Кому энтот голомуд нужен-то?!

– Василий Лыков сам обещал Мишку нанять... – вступилась Даша за возлюбленного.

– Хм... Лыков... – задумался отец. – Справный хозяин... Токма девок одних нарожал...

Ладно, скажи полубовнику своему: пушай приходит. Так и быть, не убью!

Мать всплеснула руками.

– Неужто дочь единственную Венгерову отдашь?

– Господь подскажет... – неопределённо ответил отец. – А ты, – уже более мягко обратился он к дочери, – быстро змейкой в дом!

Даша быстро посушила слёзы и безмолвно проскользнула мимо родителей.

* * *

Свадьбу Дарьи Мартыновой и Михаила Венгерова в Спасском справили чинно, без излишеств. Мартынов с сыновьями соорудили во дворе своего дома навес, под ним расставили столы. Жена и её помощницы накрыли их щедро, чтобы каждый селянин мог войти в открытые ворота и отведать угощения.

Но, несмотря на видимую скромность свадьбы, местное общество осталось довольным.

Дарья, обряженная в светлое платье, светилась от счастья. Михаил держался с достоинством, говорил только по делу. Матушка его нарадоваться не могла на невесту. Прибыли из Старого Тартаса и Мишкины сёстры, после замужества они перебрались в соседнюю деревню.

Родители невесты, казалось, смирились с выбором дочери, как-никак за помощника приказчика выходит – без куска хлеба не останется. Хотя хозяйство полностью ляжет на Дашкины хрупкие плечи.

Михаил и Николай, несмотря на выбор Дарьи, по-прежнему оставались друзьями. Все эти годы Николай тщательно скрывал свои чувства, не намереваясь мешать своему другу.

На свадьбе за столом в просторном доме Мартыновых Николай держался приветливо, шутил уместно, ел и пил умеренно, ничем не выдавая своей душевной боли. А сердце его рвалось на части и истекало кровью.

На венчании в церкви Святого Спаса Николай стоял подле Михаила, а затем держал над ним венец.

И когда на вопрос отца Александра:

– Готова ли ты, Дарья, взять в мужья раба Божьего Михаила?

Девушка ответила, потупив очи:

– Да, готова... – Сердце Николая чуть не выскочило из груди, а на глазах невольно навернулись слёзы. В голове его пульсировала только одна мысль: «Почему не я? Почему не я стою с Дарьей подле алтаря?..»

...Когда во время свадебного застолья настало время подарков, Станислав и Злата Хлюстовские одарили молодых деньгами. Николай же преподнёс невесте полусапожки, украшенные изящными металлическими пряжками, совсем как у городской барышни. Михаилу достались длинные, по колено, сапоги из мягкой оленьей кожи.

Гости при виде такой роскошной обуви пришли в искренний восторг.

– Абой! Абой!¹⁶ – кричали одобрительно они. – Абой младшему Хлюстовскому! Достойная смена тебе, Станислав! Босиком Спасское ходить не оставит!

Михаил поставил обувь традиционно на серебряный поднос.

– Горько! – выкрикнул он и поднял со стола стопку настоящей на можжевельнике самогонки.

* * *

Спустя год Михаил и Николай пили самогонку, закусывая чёрным хлебом, на могиле Дарьи – она умерла при родах. Ребёнок так и не появился на свет. Мать Дарьи потеряла рассудок от горя. Отец проклял зятя, считая, что именно он повинен в смерти дочери и нерождённого ребёнка.

Друзья стояли подле свежего могильного холма, украшенного еловым лапником, не стесняясь своих слёз. Они оба любили Дарью. Только Михаилу выпало счастье обладать ею хотя бы недолгое время.

У Михаила до сих пор стояло перед глазами, как мучилась жена, как не могла родиться – ребёнок лежал неправильно. Ни повитухи, ни уездный врач, который приехал слишком поздно, не смогли облегчить её страданий.

Михаила затрясло мелкой дрожью, он упал на колени. Николай поднял его.

– Идём... Я помогу тебе... Идём...

Михаил смотрел на друга невидящими от горя глазами.

– Уеду... уеду... – как в лихорадке шептал Михаил. – Не могу я здесь... Иначе я на себя руки наложу...

Николай обнял друга, ободряюще похлопал по спине.

– Куда? Уже решил?

– Подальше... В Тобольск... Там на заводах грамотные люди нужны...

Николай понимал, что отговаривать друга нет смысла. Только вдали от всего, что напоминает о Дарье, он сможет начать жизнь заново.

– Поезжай, я деньгами пособлю...

– Благодарствуй, у меня есть... На первое время хватит... – ответил Михаил и отёр слёзы тыльной стороной руки.

* * *

Михаил простился с матерью и сёстрами, погрузился на небольшую баржу, шедшую в Омск. Там он намеревался подняться по Иртышу до Тобольска уже на рейсовом пассажирском пароходе.

Николай намеренно не провожал друга, ибо они бы снова дали волю воспоминаниям. Он понимал, как тяжело Михаилу, и не хотел беречь его сердечные раны.

Михаил взошёл на баржу и бросил последний взор на родной берег...

– Не вернусь никогда... – решил он в тот момент, даже не подозревая, что ему уготовано судьбой.

До Омска Михаил добрался без приключений и сошёл на пристань. Вскоре он узнал, что пассажирский пароход до Тобольска отправляется только на следующее утро. Неожиданно Михаил ощутил, что чудовищно голоден. Ведь после смерти жены он совершенно потерял аппетит, почти ничего ел, отчего сильно исхудал. Он вздохнул полной грудью,

¹⁶ Абой – означает восклицание, одобрение, восторг.

осмотрелся и направился к ближайшему трактиру. Там он намеревался сытно поесть, выпить водки и переночевать.

Михаил вошёл в заведение. Половой, стоявший недалеко от дверей, окинул очередного посетителя опытным взором: лабашак из добротной верблюжьей шерсти, отороченный бархатом, и длинные мягкие сапоги из оленьей кожи и увесистый кожаный саквояж выдавали в нём приказчика. А значит, человек был при деньгах.

– Чего желаете-с? – масляным голосом поинтересовался трактирный слуга.

– Отужинать и переночевать. Завтра мой пароход уходит в Тобольск.

– Это можно-с, сударь. Прошу-с...

Половой увлёк Михаила за собой.

– Что сначала желаете-с: откусать или разместиться в комнате?

Михаил задумался.

– Пожалуй, разместиться...

Половой проводил посетителя по лестнице, ведущей на второй этаж, и распахнул перед ним дверь небольшой, но аккуратной комнатки.

– Прошу-с... Такая подойдёт?

Михаил вошёл внутрь, огляделся и скинул с себя лабашак, оставшись в суконной тёмно-коричневой поддёвке¹⁷.

– Располагайтесь, сударь. Ужин подать в комнату или в зале? – подобострастно поинтересовался трактирный слуга.

Михаил изволил откусать в комнате...

Вскоре половой принёс увесистый поднос, уставленный блюдами, среди которых вынырнул стеклянный штоф водки, и поставил на стол перед Михаилом. Тот, не мешкая, накинулся на еду.

– Газетка свежая, сударь... – учтиво произнёс трактирный слуга, положил на стол «Омские ведомости» и замер в ожидании чаевых.

Михаил сначала смутился, но затем понял, чего ожидал от него этот халдей. Он извлёк из нагрудного кармана поддёвки солидный кошелёк... И дал щедрые чаевые.

Насытившись, Михаил полистал газету, почерпнув из неё различные местные сплетни и то, что местные крестьяне не довольны земельной реформой, проводимой правительством. Затем некий господин-журналист долго и мучительно рассуждал на эту тему в статье. Михаил прочёл её и почесал за ухом: «Это какие такие крестьяне недовольны земельной политикой?... Чудно... Что-то я недовольных в Спасском не припомню...»

Михаил отбросил газету, в этот момент дверь в комнату отворилась – на пороге стояла светловолосая розовощёкая миловидная девица, одетая по последней местной моде, – в атласную юбку и приталенный тёплый жакет, отороченный мехом. Аккуратно завитые пепельного цвета волосы красиво обрамляли её светлый лоб, серые глаза были лукаво прищурены.

Михаил растерялся.

– Вы, сударь, одни? – невинно спросила она.

– Как видишь...

– Такой видный мужчина и скучает в одиночестве! Не порядок! – заигрывала девица. Она без приглашения прошла в комнату и присела рядом с Михаилом. Его обдало ароматом недорогих цветочных духов.

– Ах, сударь, я тоже одна... Вдвоём-то всё веселее время коротать...

От близости девицы Михаил невольно ощутил волнение, ибо давно не был с женщиной: сначала этому не способствовала беременность жены, а потом Дарьи и вовсе не стало.

¹⁷ Поддёвка – нарядная мужская одежда с длинным рукавом из хлопчатобумажного бархата или сукна.

Девушка положила руку на плечо Михаила.

– А вы откуда приехали, сударь? – продолжала она расспрашивать.

– Из села Спасское... – каким-то чужим голосом отвечал Михаил.

– И там все мужчины такие красивые, как вы?... – наседали девушка.

Неожиданно Михаил ощутил прилив желания.

– Все, – уверенно ответил он и взял девушку за руку. – Тебя халдей прислал?

Девушка рассмеялась.

– Приказчик? – спросила она сквозь смех. – Точно, приказчик – деловой человек. Сразу видно, не чета какому-нибудь землепашцу...

Девушка не успела закончить фразу, Михаил заглушил её долгим страстным поцелуем.

Тобольск, 1905 год

По прибытии в Тобольск Михаил понял, что здесь его никто не ждёт. Таких, как он, оставивших свои деревни и сёла, в надежде на заработок тысячи.

Михаил снял недорогую комнатку у пожилой мещанки, женщина справно обстиривала его, питался постоялец в ближайшем питейном заведении, и, не теряя надежды, начал активные поиски работы. Он обошёл все крупные заводы и фабрики – везде одно и то же – предлагали только тяжёлую неквалифицированную работу, так как учётников, писарей в конторах, помощников бухгалтеров было хоть пруд пруди.

Спустя месяц кошелёк Михаила сильно исхудал. Он экономил на всём. Наконец, как-то прочитав в «Тобольских ведомостях», что смотритель тюрем Тобольской губернии господин Богоявленский открывает несколько вакансий младших надсмотрщиков в исправительно-арестантском отделении, непосредственно самой Тобольской пересылочной тюрьме № 1 и каторжной тюрьме № 238.

Доведённый до отчаяния поисками работы, Михаил решил попытать счастья на казённом поприще. Знающие люди, с которыми Михаил уже успел завязать знакомства в городе, просветили его по поводу казённой службы: платят копейки, работа собачья, ибо помимо политических осуждённых тюрьмы переполнены уголовниками. Единственный заработок младшего надзирателя – взятки за передачи весточек с воли, а также за продажу арестантам втридорога заварки, махорки и... девок. Последнее являлось особенно доходным, ибо в каждой тюрьме располагалось как мужское отделение, так и женское.

В Тобольском исправительно-арестантском отделении содержались заключённые, приговоренные к арестантским работам за так называемые лёгкие преступления – кража, драка, мошенничество, бродяжничество. Арестанты работали как на внутренних, так и на внешних работах в зависимости от обстоятельств и при необходимой охране, которую обеспечивали специальные военные роты. При тюрьме был построен небольшой кирпичный завод, где и трудились заключённые. Завод давал приличную прибыль, которая частично шла в казну, а частично – на содержание арестантов и тюремный персонал. Михаил узнал, что Тобольское исправительно-арестантское отделение считается самым благополучным среди местных тюрем. Ему удалось пообщаться с человеком, проводившим там три года за кражу. Бывший арестант подробно посвятил Михаила во всё, что знал об этом казённом заведении.

Исправительно-арестантское отделение было тюрьмой небольшой, насчитывало шестнадцать больших общих и тринадцать одиночных камер. Вначале оно рассчитывалось на двести человек, но реально в нём размещалось человек триста. Санитарное состояние этой тюрьмы являлось лучшим по сравнению с другими тюрьмами Тобольской губернии. Камеры были сухими и светлыми, имелась вентиляция, бельё арестантам выдавалось на год и менялось еженедельно. Постелью служили тюфяки из войлока, обтянутые холстом, а подушками – наволочки, набитые оленьей шерстью. Но слабым местом являлось отсутствие больницы

и плохая система отопления арестантских помещений. Зимой в камерах стоял холод, арестанты замерзали, постоянно болели. При серьёзных заболеваниях их отправляли в госпитальный блок при Тобольской каторжной тюрьме № 238. Больных там вниманием особо не баловали, лечили по принципу: если на то Божья воля – выживет. А ежели нет – похоронят на тюремном кладбище.

Собеседник Михаила был уверен: коли уж идти к властям в услужение, то в исправительное отделение. Ибо арестант проводит в тюрьме срок, а надзиратель – жизнь. К тому же в последнее время в исправительной тюрьме всё чаще содержались политические заключённые по той причине, что Тобольская тюрьма № 1 была переполнена, и вместо трёхсот арестантов в ней пребывало в два раза больше. Всё чаще в Тобольской тюрьме случались голодные бунты (а уж о каторжной тюрьме № 238 и говорить нечего!), потому как кормили заключённых два раза в день (утром и вечером) подгнившей картошкой и капустой, жидкой кашей, сваренной на воде, мясо же разворовывалось тюремным персоналом. Хлеб давали низкого качества, в котором наполовину содержался жмых.

Должность начальника губернской тюрьмы была причислена к четвёртому разряду с содержанием жалованья и столовых в размере четырёхсот рублей в год, а должность помощника начальника с содержанием – триста рублей. Казённое вещевое довольствие чинов тюремной стражи выглядело так: мундир, укороченные шаровары, китель, шинель, фуражка, башлык, галстук. Для старших чинов добавлялись галун, башмаки, кушак. Старшие надзиратели по положению были вооружены шашками и револьверами, а младшие – только револьверами. Ежегодно выдавалось всего десять патронов на человека и раз в год проходило обучение надзирателей стрельбе.

Жалованье старшие надзиратели получали в размере двухсот сорока рублей в год, младшие – ста восьмидесяти, через каждые пять лет к основному содержанию прибавлялась одна треть за выслугу.

...Михаил, приодевшись, отправился наниматься на казённую службу. Тобольское исправительно-арестантское отделение, окружённое высокой каменной стеной, находилось на окраине города. Тюрьма представляла собой трёхэтажное сооружение столетней давности с подвальным этажом. В нём располагались кухня, пекарня, квасоварня, мастерские, карцеры и цейхгауз для арестантской одежды. Здесь же находилось помещение для надзирателей. На местном сленге оно называлось «камеры», ибо срок по факту здесь коротали и арестанты, и надзиратели.

Михаил подошёл к центральному входу, потоптался в нерешительности. Ему ох как не хотелось оказаться за тюремными воротами! Но обстоятельства вынуждали: либо идти на казённую службу, либо возвращаться в родное Спасское.

Около центрального входа в ожидании стояла пёстрая группа людей, кто принёс передачу для своего арестанта, а кто надеялся за надлежащую мзду получить свидание.

Михаил поразмыслил и направился к проходной. Там он объяснил охраннику, что пришёл наниматься в младшие надзиратели и для подтверждения своих слов показал соответствующий выпуск «Тобольских ведомостей».

После длительного ожидания Михаил вошёл в длинный, как пенал, кабинет заместителя начальника тюрьмы господина Чернова, прошёл мимо ряда столов с писарями.

Михаил приблизился к массивному письменному столу, обтянутому тёмно-зелёным сукном. За ним восседал худой человек, похожий на ворона, запечатанного в чёрный мундир с золотыми пуговицами.

«Ворон» цепким профессиональным взором смерил претендента.

– Из приказчиков? – сурово поинтересовался он.

– Из них... – спокойно подтвердил Михаил.

– Отчего решил поменять род деятельности? Проворовался?

Михаил, не ожидая такого напора, смутился.

– Ну что молчишь? – наседали Чернов, буравя его своими чёрными маленькими птичьими глазками. – Или я в яблочко попал?

– Жена умерла родами... – признался он. – Не мог я в селе остаться... Уехал... Добрался до Омска, затем – до Тобольска.

– Всё ясно! – подвёл черту чиновник. – Думал на непыльную службу устроиться! Ан не вышло!

Михаил кивнул:

– Всё так, господин начальник.

Чернову понравилось, что претендент не стал юлить, врать, оправдываться.

– Как фамилия, имя, отчество? Возраст...

– Венгеров Михаил Дмитриевич. Двадцати лет от роду...

– Значит так, Венгеров, жить будешь при тюрьме, обмундирование, питание – за казённый счёт, денежное довольствие – сто восемьдесят рублей в год.

Михаил растерянно сморгнул.

– Маловато, знаю... – примирительно сказал Чернов, словно читая мысли претендента. – Да ничего, освоишься, поймёшь, как подзаработать. Только предупреждаю сразу – на взятках не попадайся! Наказание одно – увольнение. Ну что, готов служить?

Михаил замялся. Чернов понимал: парень рассчитывал на большее.

– Грамоте обучен? – снова спросил Чернов. Михаил кивнул в ответ. – Хорошо. Паспорт при себе?

Михаил протянул чиновнику паспорт.

* * *

Венгерову выдали амуницию, пистолет и патроны, разместили в «камере» на пару с младшим надзирателем Петром Бахреевым. Пётр был старше Михаила, служил давно, почитай уж как десять лет.

Он, облачённый в чёрную казённую форму, правда, без ремня и портупей, встретил новобранца дружелюбно. На груди младшего надзирателя выделялась серебряная медаль «За беспорочную службу в тюремной страже» с портретом Императора Александра III¹⁸.

Пётр оказался человеком простым и разговорчивым, тюремный быт отнюдь не озлобил его и не превратил в циника. Он внимательно выслушал рассказ Михаила. Посочувствовал.

– М-да... И я когда-то из деревни уехал. Пятому сыну в семье ничего не светит... – вспоминал он. – Подался сначала в Тюмень, на заводе литейном горбатился. Почернел весь... Да потом с закадычным дружкой перебрался в Тобольск. Только пути-дорожки наши разошлись: я в надзиратели пошёл, а он – в карманники. Встретились, годы спустя, – по разные стороны решётки. Ладно, приказано тебя ввести в курс дела. Завтра в шесть утра моя смена – со мной пойдёшь, всё расскажу, всё покажу. Если что непонятно – спрашивай. С другими надзирателями лишний раз в разговор не вступай. Живи по правилу: слово – серебро, молчание – золото.

В тот же день Михаила поставили на довольствие, отужинал он в столовой для надзирателей. Кухарили и поддерживали порядок здесь женщины из заключённых – всё лучше, чем на кирпичном заводе надрываться. Михаил также заметил, что некоторые надзиратели многозначительно переглядываются с подавальщицами. Пётр шёпотом пояснил:

¹⁸ Медалью награждали все чины тюремной стражи (кроме надзирательниц) за безупречную непрерывную службу в должности не менее пяти лет. Учреждена 3 декабря 1887 года.

– Службу покидаем нечасто, а бабу хочется. А те, что при столовой и кухне подъедаются, – проверенные лекарем, чистые, заразу не подцепишь. Только здесь уже у каждого свои пристрастия...

Спал на узкой солдатской кровати в эту ночь Венгеров крепко. Снилось Спасское, покойная жена, Колька Хлюст... Пробудился Михаил по привычке засветло – подъём для надзирателей был в пять утра. Заступление на смену – в шесть.

Младшие надзиратели умылись, надели черную форму, подпоясались ремнями, расправили портупей, проверили револьверы системы Смит-и-Вессон в кобуре из черной юфтевой кожи¹⁹.

Младшему составу обувь не выдавали – Михаил натянул свои любимые сапоги из оленьей кожи, подаренные Николаем на свадьбу.

– Ещё намедни твою справную обувку заметил, – сказал Пётр, расчёсывая деревянным гребнем густые с проседью волосы.

Михаил тяжело вздохнул.

– Подарок друга... на свадьбу...

Позавтракали надзиратели ячменной кашей в столовой. Затем – заступили на смену.

* * *

Михаил прижился на новой казённой службе, освоил все её тонкости: как правильно обыскивать вновь прибывшую партию арестантов, как проводить утреннюю и вечернюю переключки, как распределять работу с вечера и подавать сведения старшему надзирателю. Научился Михаил поддерживать порядок во вверенных ему камерах, за нарушение нещадно отправлял в карцер. А также брал мзду потихоньку за передачу записок на волю и обратно, за водку, за второе шерстяное одеяло, за упаковку заварки и колотый сахар и, разумеется, за свидание с родственниками. Особенно с жёнами и любовницами, на то Михаил выделял карцер с матрасом и одеялом.

Для «зажиточных» воров младший надзиратель предоставлял отдельные услуги – девок по сходной цене из числа арестанток. Выделял им тот же карцер, что и для свиданий с родственниками. Мзду брал немалую, приходилось делиться с надзирательницами женского отделения.

Однажды вор по кличке Щегол изъявил желание поразвлечься, за что посулил Михаилу солидный куш. Но девку испросил красивую и свежую, то есть из последней партии заключённых.

Михаил сначала пришёл в ярость:

– Тебе здесь не публичный дом! – коротко отрезал он. Но подлый Щегол так умел упрашивать, что младший надзиратель сдался.

Переговорив с надзирательницей из женского отделения, он узнал, что недавно «поступила» новая партия женщин, а среди них некая Варвара Михеева, проститутка, обворовавшая своего клиента. По словам надзирательницы, Варвара была на редкость хороша. Михаил уже успел насмотреться на тюремных красавиц и, честно говоря, кроме брезгливости, к ним ничего не испытывал. Но когда он увидел Варвару – сердце его зашло. Перед Михаилом стояла статная полногрудая девка с пышной каштановой косой, уложенной вокруг головы, и дерзко смотрела на него василькового цвета глазами.

– Ты что ль – младший надзиратель? – без малейшего страха спросила она и взмахнула густыми ресницами.

¹⁹ По утвержденному 5 октября 1885 года описанию тюремной страже выдавалась особая форма чёрного цвета и вооружение. Старшие надзиратели и ключники носили шашку с темляком военного образца.

– Я...

– Для себя берёшь? – цинично поинтересовалась она, прищулив глаза, словно кошка.

– Нет... – коротко ответил Михаил в некотором замешательстве.

– А жаль... Ты мне по нраву... – заигрывала хитрая Варвара. Ей вовсе не хотелось «ходить по рукам» в мужском отделении, несмотря на род своего занятия на воле. И она сразу же решила «подбить клинья» к надзирателю.

Михаил справился с соблазном: запер Варвару в карцере, где она дожидалась Щегла...

Однако васильковые глаза девицы снились ему несколько ночей кряду. И когда Щегол снова захотел любви с Варварой, Михаил выкатил ему непомерную цену. Умудрённый опытом Щегол сразу смекнул: на девку положил глаз кто-то из начальства, что в тюрьме не было редкостью. И безропотно согласился на замену по сходной цене.

При первой же возможности Михаил замолвил за Варвару словечко и её отправили на кухню посудомойкой. Девка не сразу поняла, кому обязана такой милостью, но когда Михаил появился на кухне, одарила его расцветшими васильками в глазах.

– Говорила же: ты мне по нраву...

Варвара сняла заляпанный жирными пятнами фартук и отбросила в сторону. Старшая по кухне строго на неё зыркнула. Но, заметив интерес надзирателя, умерила свой пыл. Ибо на кухне, в прачечной и гладильной работали только фаворитки.

Михаил без лишних слов, а в данном случае он просто не знал, что и сказать, завёл девку в кладовку и плотно закрыл дверь. Та, не заставив себя упрашивать долго, скинула арестантское платье, представ перед надзирателем в одной исподнице²⁰.

С того самого дня Михаил с нетерпением ждал встреч с Варварой. Среди надзирателей быстро прошёл слух: Варька Михеева – фаворитка Венгерова, её не трогать.

1906 год

В конце января на день иконы Божьей Матери «Утоли мои печали» в исправительно-арестантское отделение пришла новая партия заключённых. Покуда руководство тюрьмы вкупе со старшими надзирателями оформляло надлежащие документы, проводило переключку вновь прибывших, у Михаила возникло чувство щемящей тревоги. Оно усилилось, когда Венгеров разводил заключённых по вверенным ему камерам. Внимание младшего надзирателя невольно привлёк арестант Дмитрий Носков. Михаил нутром почуял: от этого человека можно ожидать чего угодно.

Позже Михаил узнал, что взяли вооружённого пистолетом Носкова в бандитской малине во время облавы. Однако он никого не подстрелил, но, пытаясь бежать от стражей правопорядка, изрядно покалечил некоего жандармского поручика, руководившего операцией. В жандармском отделении оформили задержание и сопротивление властям в полной мере. Однако многоопытного жандармского штабс-капитана насторожил паспорт Носкова, выправленный, казалось бы, по всем правилам. И потому офицер составил подробнейшее описание задержанного и отправил запрос в соответствующий департамент Военного министерства в Екатеринбурге, где хранилась картотека на особо опасных преступников, бомбистов и террористов-большевиков. А покуда Носков после скороспелого суда пребывал в исправительно-арестантском отделении за нанесение тяжких телесных повреждений представителю власти.

Михаил редко покидал пределы тюрьмы, но в этот солнечный зимний день на Святого Лаврентия, освободившись со службы, решил прогуляться. Он зашёл в ближайшую лавку,

²⁰ Исподница – женская тонкая нижняя рубашка.

купил для Варвары чёсанки, прикопотки²¹ и белый вязаный ажурный платок из овечьей шерсти, потому как на улице стояла лютая стужа и в камерах женского отделения температура не поднималась выше четырнадцати градусов.

С покупками надзиратель оправился в ближайшее питейное заведение. Там казённых людей из исправительно-арестантского отделения хорошо знали, обслуживали максимально быстро и вежливо.

Михаил уже успел изрядно выпить и сытно закусить, как за его стол подсел некий человек.

– День добрый, господин младший надзиратель! – нагло вато произнёс он.

Михаил спокойно опрокинул стопку водки, решив, что перед ним очередной родственник заключённого и сейчас последует просьба с передачей весточки. Но на сей раз Венгеров ошибся...

– Давай маляву, коли присел... – спокойно сказал Михаил.

Мужчина усмехнулся.

– Малявой называют записку уголовники... Да нет, мне не с руки весточку передавать... Есть дело посерьёзней.

– Говори, не тяни... – миролюбиво ответил Михаил, разморённый сытой едой и водкой.

– Есть в вашем отделении некий Дмитрий Носков.

– Ну есть... Распорядка покуда не нарушал.

– Нарушение распорядка и привлечение к себе излишнего внимания никоим образом не входит в планы Носкова... – витиевато произнёс незнакомец.

Михаил невольно насторожился: уж больно мудрёные речи вёл мужик. Да и на мужика он был не похож вовсе, скорее – на разночинца²².

– Говори, что надобно, не мудри. Иначе уйду! – отрезал младший надзиратель.

Разночинец усмехнулся.

– Знаю, приказчиком ты раньше был. Видать, хватки деловой не потерял...

Михаил замер на мгновение, затем недоверчивым взглядом смерил незнакомца.

– Прощевайте, господин хороший! – грубо произнёс он, поднялся из-за стола и надел шинель. Тотчас приблизился халдей.

– Господин Венгеров, записать на ваш счёт? – вежливо поинтересовался он.

– Запиши...

Михаил, застегнув шинель и накинув башлык, вышел из питейного заведения и направился к тюрьме. Незнакомец нагнал его.

– Да ты не серчай, Венгеров. Лучше тебе с нами сотрудничать. Мы про тебя всё знаем: кто ты, откуда... И про Варвару Михееву – тоже...

При упоминании Вари Михаил резко остановился и недобрым взглядом смерил незнакомца.

– Ты что, из жандармов будешь? Политическими занимаешься? Нету за мной серьёзных грехов – в политике ничего не смыслю и отношения к ней не имею.

– Я не из царской охраны... – почти шёпотом произнёс разночинец. – Я из другой организации.

Михаил сморгнул.

– Из той, – пояснил незнакомец, – которая может и сестёр твоих, и матушку запросто пристрелить... А заодно и любовницу синеглазую...

²¹ Чёсанки – валенки из чистой овечьей шерсти. Прикопотки – короткие шерстяные чулки.

²² Разночинцы («люди разного чина и звания») – межсословная, юридически не вполне оформленная категория населения в Российском государстве XVII–XIX вв. Разночинцем называлось лицо, не принадлежащее ни к одному из установленных сословий: не приписанное ни к дворянству, ни к купечеству, ни к мещанам, ни к цеховым ремесленникам, ни к крестьянству, не имевшее личного дворянства или духовного сана.

Михаил ощутил, как его внутренности сковал холод, отнюдь не зимний, это был холод страха.

Заметив замешательство младшего надзирателя, наглый разночинец продолжил:

– Тебе лучше нам помочь... Тем паче – не бесплатно. На домик в тёплых краях хватит. Михаил поглубже надвинул башлык.

– Знать, штабс-капитан Басов не просто Носкова крутит... Он политический, имеет отношение к вашей организации... Вы кто: бомбисты, террористы?

– Большевики, – спокойно пояснил незнакомец. – Носков – член «Боевого отряда народного вооружения»²³. И как ты правильно понял: с нами шутки плохи.

– Большевик! Слыхал о таких – мутят воду в столице. Дык что ж Носков в воровской малине-то делал?

– А это уже не твоё дело, господин надзиратель, – жёстко произнёс незнакомец. – Выбери: либо поможешь Носкову бежать из тюрьмы, либо мы порешим твоих близких. Но всё равно найдём в тюрьме того, кто нам поможет.

Михаил потоптался на месте: ноги прихватило от стужи.

– Денег сколько даёшь?

Незнакомец усмехнулся.

– Бывший приказчик, деловой человек. Правильно, деньги все любят... Тысяча рублей устроит?

– Нет, я не только местом своим рискую, но и свободой. А если что не так?

– Не волнуйся, я тебе объясню, что делать. Начальство тюремное разве что обвинит тебя в халатности. Две тысячи рублей... Соглашайся, это твоё жалованье, почитай, за десять лет.

Неожиданно Михаил представил себе справный домик с цветущим садом где-нибудь на Украине и Варю, одетую в белое платье с оборками. Соблазн был велик...

* * *

Ночью в одной из камер, вверенных младшему надзирателю Венгерову, раздались крики заключённых. Михаил тотчас поспешил выяснить: что случилось. Он распахнул небольшое оконце, прорезанное в двери, и увидел, как Носков корчится в судорогах, а из его рта струится пена. Сокамерники, как могли, пытались помочь собрату по несчастью, но тщетно.

Венгеров отворил дверь ключом, заглянул в камеру.

– Ну что тут случилось-то? – нарочито лениво поинтересовался он. – Ни днём ни ночью от вас роздыху нету...

Старший по камере подскочил к младшему надзирателю.

– Дык, господин начальник, вишь – плохо Носкову. Ещё днём в цеху на заводе жаловался он на немошь. А теперича вона пеной изо рта исходит. Чевой-то с ним будет-то? А?

Венгеров подошёл к Носкову, скрюченному на полу посреди камеры. Пнул его для верности в бок сапогом.

²³ Подпольная организация появилась в 1905 году, имела ячейки во многих российских промышленных городах. Руководил «Боевыми отрядами народного вооружения» Яков Свердлов. Организация имела целью насильственное устранение высших военных, полицейских и жандармских чинов. Финансировалась организация немецкой разведкой. Также имела тесные связи с преступностью, члены организации принимали участие в ограблениях банков и ювелирных магазинов. За счёт чего она и пополняла свою кассу.

– Вставай, абаим!²⁴ Хорош придуряться! – грубо приказал он. На что изо рта Носкова пена заструилась с новой силой, а руки и ноги вывернуло судорогой. Сокамерники перекрестились.

– Помрёт! Как пить дать, помрёт! – причитал старший по камере. – А ведь всего-то в морду полицейскому двинул... Помрёт...

– М-да... – озадаченно выдавил надзиратель. – Может и помереть... Утром карету скорой помощи из каторжной тюрьмы вызову, – пообещал он.

– Не дотянет до утра-то... – вздохнул старший по камере, сотоварищи его поддержали.

И, словно в подтверждение этих слов, Носков снова изрыгнул пену и дёрнулся, неестественно вывернув ноги.

– Господи... – перекрестился Венгеров. – Вызову карету скорой помощи прямо сейчас. Пусть, коли что, в тюремной больничке помирает.

В соответствии с правилами тюремного распорядка, Венгеров должен был доложить дежурному старшему надзирателю, мирно похрапывающему в каптёрке, о внезапной болезни Дмитрия Носкова. Но он этого не сделал...

Венгеров посмотрел на стенные часы – стрелки показывали полвторого ночи – подошёл к телефонному аппарату системы «Эриксон», которыми несколько лет назад по приказу Военного министерства оснастили все тюрьмы, полицейские и жандармские участки в Тобольске. Михаил покрутил ручку и прорычал в аппарат:

– Барышня, соедините меня с каторжным лазаретом!!!

Венгеров сделал вызов, указав причину, а затем зарегистрировал происшествие в специальном журнале отчётов. Конвойный с кареты скорой помощи должен был расписаться в соответствующей графе о приёме больного. В тот момент, когда Михаил заполнял журнал, младшие надзиратели совершали ночной обход камер.

Через полчаса прибыла карета скорой помощи. Носкова загрузили в неё при помощи тюремной охраны. Больной дёргался в конвульсиях и тихо стонал.

– Отходит сердешный... – с сочувствием заметил тюремный охранник.

Михаил протянул журнал конвойному.

– Подписывай, что больного принял... – Михаил вручил конвойному карандаш, и тот поставил свою размашистую подпись в соответствующей графе.

Карета скорой помощи благополучно отбыла.

А через час у ворот исправительно-арестантского отделения появилась ещё одна карета скорой помощи...

* * *

Штабс-капитан Басов сверлил суровым взором поникшего Михаила, сидевшего напротив него за столом.

– Согласно вашему рапорту, предоставленному начальнику исправительного отделения, вы слышали шум в камере и крики о помощи... – листая бумаги, металлическим тоном произнёс офицер.

Венгеров кивнул.

– Точно так-с, господин штабс-капитан...

– Угу... И вы согласно рапорту решили оказать Носкову незамедлительную помощь и для этого вызвать карету скорой помощи из лазарета каторжной тюрьмы...

Михаил снова кивнул, ощущая себя ягнёнком на закланье.

²⁴ Абаим – в данном случае обманщик.

– И вы, – продолжил наседать Басов, – не согласовали свои действия со старшим надзирателем, дежурным по смене. – Жандарм оторвал взгляд от рапорта. – Ну-с, любезнейший, здесь вам не село Спасское! Вы нарушили инструкцию внутреннего распорядка исправительно-арестантского заведения! Вы знаете, что за это бывает?

– Увольнение без выходного пособия... – виновато промямлил Венгеров.

– Ха! Если бы! – саркастически заметил Басов и вальяжно откинулся на спинку стула. – Ваши действия выглядели бы именно так, если бы арестант Носков не сбежал. Исходя из рапорта охранников, дежуривших в ночь побега, я понял, что было две кареты скорой помощи. Как вы это можете объяснить, Венгеров?

Тот пожал плечами.

– Не имею понятия, господин штабс-капитан.

– А я думаю, что вы прекрасно осведомлены. И дело было так: сообщники Носкова, который на самом деле, как выяснилось, является опасным террористом Евгением Зальцманом, заплатили вам за организацию побега. Со стороны выглядит, конечно, всё достаточно невинно... Ну, пожалел хворого – вызвал карету скорой помощи. Ну, хворый сбежал... Однако одно «но» в этом деле перечёркивает все ваши рапорты и объяснения: беглец – опасный террорист, член «Боевого отряда народного вооружения». И, если в ближайшее время погибнет кто-нибудь из высокопоставленных чинов Тобольска, – это будет на вашей совести.

Михаил тяжело вздохнул.

– Я не знал, что Носков – террорист. В тюремных списках значится, что он оказал сопротивление жандармам при задержании... Иначе бы я не вызвал карету... Да и Носков не сидел бы в общей камере, а согласно правилам – в одиночке.

Басов нервно сморгнул: камень был брошен в его «огород».

– Молчать! – рявкнул он. – Много рассуждаешь! На каторгу, как пособник пойдёшь! – Басов перевёл дух и вынул из верхнего ящика стола пачку ассигнаций. – А что ты скажешь по поводу этого – здесь ровно две тысячи рублей. Нашли при обыске в твоих вещах. Неужто копил всю жизнь?

Михаил сник, понимая, что каторги ему не избежать.

– Точно, господин штабс-капитан, копил... Ещё в деревне начал откладывать...

– Препираться бесполезно, Венгеров! Лучше рассказывай, как всё было. Тебе зачтётся сотрудничество со следствием.

Михаил пребывал в смятении.

– Расскажу, если пообещаете на каторгу не отправлять...

Басов усмехнулся.

– Обещаю. Ну-с, слушаю вас... – любезно произнёс жандарм.

И младший надзиратель рассказал всё, как было.

Басов внимательно выслушал рассказ младшего надзирателя.

– М-да... Шантаж близкими людьми и родственниками вполне в духе большевиков-террористов. Я сочувствую вам, Венгров. Но вы фактически организовали побег заключённого...

Михаил окончательно сник.

– Я искренне раскаиваюсь, господин штабс-капитан...

– Не сомневаюсь! Я сдержу своё обещание и не дам дальнейший ход делу. В своём рапорте напишу, что вы нарушили правила внутреннего распорядка, а к побегу Носкова не имеете ни малейшего отношения. Скажем, его собратья сами готовили побег и... нападение на арестантское отделение. А карету скорой помощи они планировали применить для вывоза Носкова. Словом, напишу складно, высшее руководство не подкопается. Но вы, Венгеров, будете моим должником.

Михаил встрепенулся.

– Я готов...

– Хорошо... – Басов встал из-за стола и прошёлся по кабинету. – Я сделаю так, что вас уволят за побег заключённого. Об этом станет известно пособникам Носкова. Вы же будете выглядеть, как герой... Мол, ничего не сказали жандарму, держались до последнего. Таких крепких духом людей, имеющих проблемы с законом, в боевых ячейках привечают.

К чему клонит жандарм, Михаил осознал, отчего холодок пробежал по его спине.

– Вы хотите, чтобы я вступил в ячейку боевиков и стал вашим осведомителем? – дрогнувшим голосом спросил он.

Басов цепким взглядом вперился в младшего надзирателя.

– Схватываете на лету, Венгеров. Выбирайте: либо работаете на меня, либо гниёте на каторге.

– У меня нет выхода... – упавшим голосом ответил Михаил.

Басов подошёл к своему письменному столу. Он извлёк из пачки ассигнаций, лежавших на зелёном сукне, несколько четвертных.

– Вот вам сто рублей. Снимите комнату, посещайте трактиры. Ешьте, пейте... Чрезмерно не веселитесь... Боевики должны подумать, что вы особо не при деньгах. Не забывайте: я их конфисковал. Не сомневаюсь, через некоторое время боевики пришлют к вам человека. Возможно, того самого, который подсел к вам в трактире...

Перед глазами Михаила встал отчётливый облик разночинца. «Встречу – убью...» – подумал Михаил.

* * *

Вскоре Михаил Венгеров стал членом ячейки боевиков. «Разночинец», который вовлёк Венгерова во всю эту тёмную историю, оказался лидером ячейки. Он снабдил нового члена наганом и устроил проверку: Михаил должен принять участие в ограблении ювелирного магазина. Деньги, полученные от продажи украшений, по словам «Разночинца», пойдут на борьбу с самодержавием.

Михаил переживал тяжелейший душевный кризис: мало того, что его уволили с казённой службы и он стал соглядатаем царской охраны, так он ещё должен обворовать ювелирный магазин, а может быть, и убить ночного сторожа. Бывший надзиратель был преисполнен уверенности: новые «товарищи» свяжут его кровью.

Михаил не мог предупредить Басова о готовящемся ограблении: боевики тщательно следили за каждым шагом новичка.

Через несколько дней «Разночинец» арендовал бумажную лавку, что располагалась в центре города по соседству с ювелирным магазином Шульмана. Магазин имел репутацию самого крупного и модного Тобольске. На его зеркальных витринах красовались золото, серебро и целые россыпи бриллиантов, переливающиеся всеми цветами радуги в отблесках свечей, возбуждая восторг и зависть покупателей.

Фирма Шульмана пользовалась солидной репутацией, большим кредитом и доверием состоятельных слоёв Тобольска, ибо многие горожане реализовывали через магазин свои украшения.

«Разночинец» понимал: с наскока ювелирный магазин не возьмёшь, поэтому-то и снял рядом располагавшееся ничем не приметное помещение. К тому же по ночам магазин охранял отставной полицейский, вооружённый наганом. «Разночинец» приказал Венгерову устранить его любым путём: охранник не должен находиться ночью в магазине.

Михаил выследил бывшего полицейского, узнал, где тот живёт и когда выходит из дома на службу. План новичка был простым: подстеречь в подворотне охранника, дать ему по голове, затащить в тёмный угол и связать.

В назначенный день Венгеров занял выжидательную позицию в подворотне, мимо которой должен проходить охранник. Рассчитывая на тёмное время суток и внезапность, он высочил из укрытия, намереваясь ударить бывшего полицейского сзади по голове молотком.

Однако к вящему удивлению нападавшего удар не возымел ни малейшего действия – охранник же остался стоять на ногах. Мало того, он резко развернулся и одним лишь профессиональным ударом в солнечное сплетение не оставил Михаилу шансов воплотить свой план до конца.

Михаил, задышавшись, осел на свежавыпавший снег.

– Вот тебе раз, разбойничек! – усмехнулся охранник. – Ты бы лучше дома сидел с бабой, а не по тёмным углам промышлял. Я уж по голове получал не раз и потому ношу под шапкой специальное приспособление. – Он постучал кулаком по шапке, раздался глухой металлический звук. – В наше беспокойное время иначе нельзя.

Охранник закончил речь, извлёк из кармана свисток и дунул в него со всей силы. Раздался пронзительный свист. И через несколько мгновений послышался ответ: либо от дежурного городского, либо от дворника, преисполненных готовности прийти на помощь.

Охранник тем временем намеревался скрутить Михаила, тот же сидел на снегу и тяжело дышал. Разгадав маневр охранника и понимая, что сюда примчится подмога, он выхватил наган.

– Не приближайся, пристрелю! – решительно заявил Михаил.

– Брось оружие, паря, не дури! – пытался вразумить его бывший полицейский и снова дунул в свисток.

Михаил нащупал указательным пальцем спусковой крючок, грянул выстрел – охранник начал медленно оседать.

В тот же самый момент послышался хруст снега за спиной – приближалась подмога. Михаил резко обернулся и дважды выстрелил из нагана – на снегу в залитой кровью шинели распластался городской.

– Господи... – простонал Михаил, обведя очумевшим взором место побоища: двое окровавленных мужчин лежали на снегу.

Тем временем боевики разрушили кирпичную кладку, разделяющую ювелирный магазин и бумажную лавку, и беспрепятственно проникли в магазин.

Утром «Разночинец» подводил итоги операции, особенно он отметил действия Венгерова. Ибо все утренние газеты уже пропечатали, что ночью в городе было совершено двойное убийство: бывшего полицейского и городского.

Ледяной страх сковал внутренности Михаила: он – убийца... Что на это скажет штабс-капитан Басов? Невольно перед глазами промелькнули стены каторжной тюрьмы. За убийство городского Венгерову светило как минимум пожизненное заключение.

После совершённого убийства Михаил Венгеров пользовался заслуженным авторитетом в ячейке. Однако несколько дней Венгеров ходил сам не свой. Мысленно он постоянно молился, просил прощения у Господа за невинно убиенных.

Боевики, пользуясь связями в криминальной среде, сбывали золото скупщикам краденного за хорошие деньги. По замыслу руководителя ячейки вырученные деньги должны были пойти на подготовку террористического акта против градоначальника.

Ячейка тщательно готовилась к проведению теракта. Михаил, как уже завоевавший доверие «товарищей», получил задание: наблюдение за градоначальником, его перемещениями по городу.

Он добросовестно выполнил поручение и составил подробный отчёт, из которого руководство ячейки сделало вывод: градоначальника проще всего убить, когда он будет выхо-

дить из квартиры своей содержанки, а её он посещал с завидной регулярностью – два раза в неделю по вторникам и пятницам.

Наконец Михаилу удалось выйти на связь с Басовым – наблюдение за ним со стороны «товарищей» ослабло, появилась возможность свободно перемещаться по городу. Он тотчас поспешил на казённую квартиру, где его уже который день ожидал штабс-капитан.

Офицер получил от своего подопечного подробный отчёт. Единственное, о чём умолчал Михаил, так это о совершённом двойном убийстве.

Штабс-капитан Басов так оценил действия своего подопечного:

– Главное, что вам удалось внедриться в ячейку и большевики не подозревают о ваших истинных намерениях. Как говорится: цель оправдывает средства. А сведения о готовящемся теракте против градоначальника являются очень ценными. Я вас более не задерживаю.

Михаил стоял перед Басовым, переминаясь с ноги на ногу.

– Не могу я больше, господин штабс-капитан. Отпустите меня... Ведь вину я уже испустил...

Басов усмехнулся.

– Из нашей системы, Венгеров, может освободить лишь смерть или... каторга.

1913 год

В начале весны Кредитная канцелярия Тобольской губернии оповестила сыскную полицию²⁵ и жандармское отделение о том, что в обращении появились фальшивые казначейские билеты²⁶, преимущественно номиналом сто рублей.

Особенно канцелярия отмечала: Тобольск является центром обращения фальшивок. Присланные в полицию и жандармерию образцы билетов представляли собой исключительно совершенную подделку, причём даже специалист не в силах был определить её. Разница государственного билета и подделки заключалась лишь в едва приметном рисунке сетки и отсутствии точки в надлежащем месте.

Басов, повышенный господином Эйгелем Николаем Матвеевичем до чина подполковника за особые заслуги перед отечеством (в частности за ликвидацию террористической группы большевиков в 1906 году), руководил Тобольским отделением жандармерии. И как человек умный и предприимчивый, обзавёлся хорошо организованной сетью осведомителей и агентов.

Михаил Венгеров из осведомителей поднялся до агента и был удостоен особого доверия начальства. Басов, несмотря на род деятельности, был человеком порядочным, преданность подчинённых ценил и не забывал поощрять их в финансовом отношении.

К тому времени агент Венгеров обзавёлся небольшой, но справной квартиркой на окраине города и наслаждался в свободное от службы время жизнью со своей женой Варварой, в девичестве Михеевой. Варвара вышла из исправительного отделения в 1907 году, отбыв там положенный трёхгодичный срок за воровство. А до того момента Михаил не забывал тюремную зазнобу, регулярно приходил на свидания, передавал гостинцы. Жизнь четы Венгеровых проистекала спокойно. Михаил ни разу не упрекнул жену за прошлое. Та же в благодарность хранила верность супругу, содержала дом в порядке и подрабатывала белошвейкой. Увы, бог не дал Венгеровым детей – сказалось бурное прошлое Варвары.

²⁵ 6 июля 1908 году Государственная дума Российской империи приняла закон «Об организации сыскных частей». По нему оперативно-розыскная деятельность стала самостоятельной функцией правоохранительных органов государства.

²⁶ Казначейские билеты – бумажные деньги, выпускаемые казначейством. Представляют редко используемый в современный период вид денег. Казначейский билет относят к краткосрочным обязательствам государства, находящимся в обращении. По своим признакам и свойствам казначейские билеты близки к банкнотам – банковским денежным билетам. Имели хождение и в советское время.

Подполковник Басов вызвал к себе особо доверенных агентов, в их числе и Михаила. Он показал им фальшивые сторублёвые билеты, объяснил: в чём отличие от государственных. Агенты, снабжённые поддельными билетами, получили задание: обойти все тобольские отделения банков и кредитные кассы и попытаться реализовать подделку. Проанализировав полученные результаты, Басов намеревался разработать план действий в купе со сыскной полицией.

Венгеров зашёл в Тобольский купеческий банк и протянул кассиру фальшивку.

– Любезный, разменяйте, пожалуйста, на четвертные, – уверенно попросил агент.

Кассир цепким взором окинул мнимый государственный билет и... отсчитал клиенту четыре двадцатипятирублёвки.

– Сударь, а сторублёвка-то поддельная! – невозмутимо констатировал Венгеров.

Кассир округлил глаза.

– Извольте шутить, уважаемый?! – он снова взял билет в руки и внимательно осмотрел его. – Да нет же! Не может быть! Настоящая!

– Я не шучу, а говорю совершенно серьёзно, – наседали агент.

Кассир в смятении помчался к своему руководству. Через некоторое время он появился в клиентском зале и произнёс с улыбкой:

– Вы, сударь, видимо, хотели проверить меня на бдительность. Так вот, будьте уверены: ваша сторублёвка выпущена Российским государственным казначейством.

Венгерову ничего не оставалось делать, как объявить себя жандармским агентом при исполнении служебных обязанностей: вернуть четвертаки вконец растерявшемуся кассиру и забрать фальшивку.

Вечером агенты доложили подполковнику о проделанной работе. Результаты были вопиющими: ни в банках, ни в кредитных кассах служащие не смогли отличить фальшивку от государственного оригинала.

Басов понимал: действуют профессионалы высокого класса, причём используют уникальное печатное оборудование. На следующий день он сделал запрос в сыскную полицию о судьбе двух гравёров, иже фальшивомонетчиков, Монтена и Гавриловича. И получил оперативный ответ: означенные лица были осуждены на пожизненную каторгу в Нерчинске, откуда и совершили дерзкий побег.

Подполковник Басов, сотрудничая со сыском, разослал ориентировки чуть ли не по всей Российской империи – увы, безрезультатно. Наконец, он пришёл к выводу, что фальшивки производятся либо в Европе, либо на окраине империи, а затем перевозятся нелегальным путём. Но кто за этим стоит?

Осенью этого же года в Тобольске появился первый автомобиль. Его счастливым обладателем стал купец Скляров, недавно вернувшийся из поездки в Варшаву, где, по слухам, заключил выгодную сделку, которая позволила купцу вести фривольный образ жизни и сорить деньгами.

Примерно в это же самое время подполковник Басов получил сведения: город снова наводнили фальшивые сторублёвые билеты. И неожиданно для себя связал это с польским вояжем купца Склярова. Басов тотчас поручил агентам установить наблюдение за купцом.

Полковник Эйгель пребывал в бешенстве. Он вызвал «на ковёр» Басова как начальника отделения тобольской жандармерии с намерением устроить ему взбучку. Подполковник же, понимая состояние своего патрона, сумел погасить раздражение одного и поделиться своими соображениями. Эйгель сменил гнев на милость и дал Басову неограниченные полномочия в деле с поддельными казначейскими билетами. Однако подполковник, как человек, умудрённый профессиональным и жизненным опытом, не намеревался злоупотреблять полученными привилегиями, а решил действовать осторожно и не производить обыска в доме купца Склярова, дабы не вспугнуть его.

Венгеров, пользуясь своими давними связями в криминальном мире, отправился к Щеглу, тому самому любвеобильному вору, который некогда пребывал под его «опекой» в исправительном отделении. Теперь же Щегол потерял прежнюю сноровку – увы, годы брали своё – и не брезговал делиться с агентом кое-какими сведениями за определённую мзду.

Словоохотливый Щегол сообщил агенту, что слышал от некоего чалдона-золотоискателя: тот, мол, видел бежавших с каторги Монтена и Гавриловича. Те же бахвалились, что некий капиталист выправил им новые паспорта и ссудил крупную сумму на производство фальшивых денег. К тому же беглецы решили подделывать не банкноты, а государственные казначейские билеты номиналом в сто рублей, ибо многие понятия не имели, как выглядят ценные бумаги. И отличить фальшивку от оригинала будет весьма непросто.

Венгеров обо всём доложил подполковнику. Тот же преисполнился уверенности: Складов пригрозил Монтена и Гавриловича, обеспечил их необходимыми документами, ссудил денег на производство фальшивок. И, вероятнее всего, это производство располагалось в Варшаве. Настало время действовать...

В результате наблюдения за купцом агент Венгеров установил, что тот намеревается посетить Варшаву весной 1914 года.

Весна 1914 года

Подполковник Басов снабдил агента Венгерова надлежащими документами и инструкциями для проведения предстоящей операции.

В начале апреля ни о чём не подозревавший Складов отправился из Тобольска в Тюмень, где имел намерение добраться на поезде до Екатеринбурга, там же пересесть на скорый, следовавший по маршруту Екатеринбург – Санкт-Петербург.

Не успел Складов разместиться в своём купе первого класса, как тотчас отправился в вагон-ресторан, где заказал сытный ужин и бутылку лафита. Изрядно выпив и закусив, он познакомился с размалеванной девицей и, недолго думая, увлёк её в своё одноместное купе.

Венгеров ехал по-соседству в точно таком же купе, но насладиться роскошью обстановки и сервисом обслуживания у него не было времени. Почти всю первую ночь он подслушивал при помощи специального приспособления то, что происходило в купе купца. Помимо восторженных возлияний партнёров, происходивших на протяжении трёх часов к ряду, агенту удалось почерпнуть весьма ценную информацию.

И после прослушивания разговоров «голубков» Венгеров окончательно убедился: девица работает на сыскную полицию, уж больно хитрые вопросы она задаёт Складову. (Купец, хоть был в подпитии, от них ловко уходил, не давая конкретной информации.) К тому же девица направлялась в Варшаву, а это нарушало все планы агента. Ему не хотелось, чтобы тобольскому сыску достались лавры победителя. Своя рубашка, как говорится, ближе к телу. И он намеревался раскрыть тайну фальшивых казначейских билетов и получить за это солидную денежную премию.

Перед агентом стояла непростая дилемма: устранить девицу, или сделать из неё союзницу. Так скорый поезд проследовал Пермь с кратковременной остановкой и приближался к Вятке. Однако Венгеров успел сделать важный телефонный звонок из кабинета начальника станции в местное жандармское полицейское Управление железных дорог. Он сообщил, что в соседнем с ним пятом купе, в третьем вагоне, следует известная мошенница, ориентировку на которую он получил, ещё будучи в Тобольске. И в данное время она «крутит восьмёрки»²⁷ купцу Складову.

²⁷ Крутить восьмёрки (дорев. блатной жаргон) – обманывать.

Когда скорый поезд остановился в Вятке – на платформе его прибытия уже ожидали двое жандармов из местного отделения. Они уверенно вошли в третий вагон и направились к пятому купе. Отворив двери, они увидели полуголую девицу в объятиях изрядно подвыпившего купца. Жандармы приказали девице прикрыть наготу и следовать за ними. Та мастерски устроила истерику (признаться, что является агентессой сыскной полиции, девица просто не могла), но ни один мускул не дрогнул на лице служителей закона. После долгих препирательств один из жандармов скрутил девицу, второй наскоро собрал её вещи в чемодан (та намеренно уже успела перебраться в купе купца).

Склярлов даже сначала понять не мог: куда это уведут его зазнобу? И увидит ли он её снова в Варшаве? На что один из жандармов ответил, что купец может свидеться с ней в вятском исправительно-арестантском отделении.

Венгеров ликовал: пока суд да дело (а в России быстро ничего не делается), скорый поезд уже прибудет в Санкт-Петербург. А там и до Варшавы рукой подать...

Однако купец Склярлов не доехал до Варшавы, покинув с багажом скорый поезд в Вильно. И разместился в ближайшей от вокзала гостинице. Венгеров же обратился к местной полиции, и ему в помощь командировали двух молодых агентов.

Первые дни непрерывной слежки ничего не дали Венгерову и его помощникам – Склярлов ходил по магазинам и ресторанам, развлекался с девицами. Однако на пятый день пребывания в Вильно купец вышел из гостиницы и, нервно озираясь, направился в сторону улицы Майроне, где недалеко от костёла Святого Франциска Азисского располагалась мастерская по изготовлению чемоданов, несесеров и прочих дорожных принадлежностей.

В мастерской Склярлов пробыл довольно долго. И это весьма насторожило Венгерова. Он задавал себе вопрос: зачем заказывать чемодан втридорога, если его можно купить в магазине? Местные агенты также недоумевали. Однако Венгеров решил повременить с допросом владельца мастерской.

На следующий день агентов ждал неприятный сюрприз: Склярлов исчез. Розыски в городе, на которые были брошены изрядные силы местной полиции, не дали результатов. И тут Венгеров пожалел о том, что отдал в руки вятских жандармов агентессу тобольской сыскной полиции – целесообразнее было бы на пользу общего дела заключить с ней союз. Но сделанного, увы, не изменить...

Однако Венгеров не терял надежды, ибо пребывал в уверенности: купец непременно вернётся в гостиницу, ведь он оставил там вещи и оплатил проживание вперёд. Действительно «беглец» явился в свой номер через пять дней, причём с увесистым свёртком в руках. После чего отобедал с аппетитом в ресторане гостиницы, нанял извозчика и в прекрасном расположении духа отправился на улицу Майроне.

Владелец мастерской выволок на улицу чемодан солидных размеров и помог Склярлову погрузить его на извозчика. После чего тот преспокойно отправился в гостиницу. А Венгеров решил-таки допросить мастера.

Владелец мастерской сначала растерялся. А когда Венгеров предъявил ему удостоверение агента, тот признался, что несколько раз изготавливал для купца чемодан с двойным дном. Заказчик платил щедро, и мастер лишних вопросов не задавал.

Теперь Венгеров не сомневался: купец провозил фальшивые казначейские билеты в чемодане с двойным дном. Оставалось ответить на последний вопрос: где располагалось производство фальшивок?

Местная полиция арестовала Склярлова прямо в гостиничном номере. Венгеров вскрыл двойное дно у заказного чемодана и обнаружил двести тысяч фальшивых казначейских билетов номиналом в сто рублей.

Потрясённый купец чуть не лишился сознания. На вопросы полиции он сначала не отвечал, а затем, когда к допросу подключился Венгеров, отрицал даже явные факты. Распо-

ложения производства он так и не выдал. Однако доказательств вины Склярова было достаточно, и его препроводили в Лукишскую тюрьму²⁸.

Венгеров решил довести операцию до конца. Он отправил в Тобольск телеграмму с просьбой продлить командировку. На что получил скорейший утвердительный ответ.

В камеру Склярова полиция посадила своего осведомителя. Спустя неделю его якобы должны были освободить, и Скляров, решив воспользоваться моментом, попросил сокамерника передать весточку на свободу.

Осведомитель передал записку Венгерову, и тот по означенному адресу выследил молодую, приятной наружности женщину. Несколько дней она не вызывала никаких подозрений: приходила из шляпной мастерской, где работала модисткой и больше не покидала своей квартиры до следующего утра. Но Венгеров не снимал наблюдения, и в конце концов его упорство было вознаграждено сполна.

В три часа утра женщина покинула квартиру и отправилась в соседний квартал. Венгеров и его помощники неусыпно следовали за ней. Женщина зашла в дом, а затем вышла из него в сопровождении некоего мужчины.

В цепкой памяти агента тотчас всплыло описание фальшивомонетчика, иже искусного гравёра, Монтена. Вскоре к «честной компании» присоединился ещё один персонаж – беглый каторжник Гаврилович.

Агенты без труда скрутили преступников и доставили в участок. К вящему удивлению Венгерова они тотчас начали давать показания, в ходе которых выяснилось, что беглые каторжники на деньги купца изготовили станок для печати казначейских билетов и выпустили первую партию фальшивок на окраине Вильно ещё два года назад. Скляров, согласно договорённости, частично расплатился с ними и завладел станком. Оставшуюся часть денег он обещал выплатить своим пособникам по возвращении в Вильно. Однако этого не произошло: Скляров благополучно получил вторую партию фальшивок, но с гравёрами не расплатился.

Обманутые гравёры надеялись, что по прибытии в Вильно в третий раз купец полностью выплатит им долги. Но тут от посредницы получили записку, написанную купцом в тюрьме, и поняли: дело с треском провалилось. Как выяснилось, гравёры настолько поистратились с момента первого аванса, что им было не на что жить.

Венгеров, завершив дело, с чувством выполненного долга, отправился домой в Тобольск.

30 июля 1914 года.

Сыскное отделение полиции Тобольска

Подполковник Басов негодующим взором сверлил агента Венгерова, закованного в наручники.

– Как же вас угораздило, братец, убить дворника и его любовницу? Что мне прикажете делать? Вам светит пятнадцать лет каторги за двойное убийство! Ну что вы молчите?!

Венгеров, потупив взгляд, неподвижно сидел на колченогом стуле перед своим патроном. Наконец мутным взором он смерил Басова и тихо произнёс:

– Делайте, что хотите... Хоть расстреляйте... Без Варвары мне жизни нет...

Басов всплеснул руками.

– Вы верой и правдой служили отечеству в течение почти что десяти лет! На вашем счету ликвидация ячейки террористов, подпольной типографии, арест бомбиста-одиночки, успешно раскрытое дело купца-фальшивомонетчика! А что теперь?!

²⁸ Сооружена в 1901–1904 гг. Расположена в центре старого города.

Венгеров пожал плечами.

– Я воздал дворнику и его бабе по заслугам... Это они порешили мою жену...

Басов оживился.

– Вы уверены, что именно они убили вашу жену? – Агент кивнул. – Так почему же вы не сообщили мне? Или в сыскное отделение?

– Зачем?.. Вы бы отправили их на каторгу... Дали бы им лет по двенадцать... А по мне дык они заслужили смерти...

Венгеров сник: воспоминания с новой силой захлестнули его...

Почти четыре месяца назад он вернулся из Вильно после удачно проведенного задержания купца Склярова и его пособников. От вокзала нанял извозчика, добрался до дома, не чая, как бы скорее свидеться с Варварой. Своим ключом открыл дверь квартиры...

Слёзы хлынули из глаз Венгеров. Басов налил в стакан воды из графина.

– Выпейте... Легче станет...

Венгеров послушно осушил стакан. Перед глазами всплыла жуткая сцена: окровавленная жена лежала посреди комнаты, васильки в её широко открытых глазах застыли навечно. Кругом беспорядок – вещи разбросаны по всей комнате, ящики комода выдвинуты.

– Ей перерезали горло... – сдавленно произнёс Михаил.

Басов тяжело вздохнул.

– Я искренне сочувствую вам, Венгеров. Ваша жена не заслужила такой участи...

«Это расплата за мои грехи...» – подумал Михаил.

Басов неспешно прохаживался по допросной камере.

– Ладно... Напишите подробный отчёт о том, как вышли на убийц своей жены. Я же, в свою очередь, попытаюсь договориться с поручиком Осиповым, дабы он отдал мне ваше дело. Кстати, поручик был столь любезен, что позволил мне свидеться с вами...

Басов взглянул на наручные часы.

– Мне пора... Служба... – произнёс он и покинул сыскное отделение.

Подполковник исполнил своё обещание: через неделю Венгерова освободили из камеры предварительного заключения сысского отделения полиции и переправили в жандармский участок.

* * *

Подполковник Басов внимательно читал «Тобольский вестник», когда в его кабинет вошёл доставленный из сысского отделения агент Венгеров.

– Вот, прочтите! – Басов протянул газету Михаилу, всё ещё своему подчинённому.

Венгеров беглым взором выхватил крупный заголовок на первой странице газеты: «За царя и отечество!»

Статья приводила в хронологическом порядке следующие события:

«28 июня 1914 года убийство в Сараево австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда девятнадцатилетним сербским террористом, студентом из Боснии Гаврилой Принципом, который является одним из членов террористической организации «Млада Босна», выступающей за объединение всех южнославянских народов в одно государство.

28 июля 1914 года Австро-Венгрия объявила войну Сербии.

31 июля в Российской империи объявлена всеобщая мобилизация в армию.

В Германии объявлено «положение, угрожающее войной». Германия предъявляет России ультиматум: прекратить призыв в армию, или Германия объявит войну России. Франция, Австро-Венгрия и Германия объявляют о всеобщей мобилизации. Германия стягивает войска к бельгийской и французской границам.

1 августа Германия объявила войну России, в тот же день немцы безо всякого объявления войны вторглись в Люксембург.

2 августа германские войска окончательно оккупировали Люксембург, и Бельгии был выдвинут ультиматум о пропуске германских армий к границе с Францией. На размышления давалось всего 12 часов.

3 августа Германия объявила войну Франции, обвинив её в «организованных нападениях и воздушных бомбардировках Германии» и «в нарушении бельгийского нейтралитета».

3 августа Бельгия ответила отказом на ультиматум Германии. Германия объявила войну Бельгии.

4 августа Германские войска вторглись в Бельгию. Король Бельгии Альберт обратился за помощью к странам – гарантам бельгийского нейтралитета. Лондон направил в Берлин ультиматум: прекратить вторжение в Бельгию, или Англия объявит войну Германии. По истечении срока ультиматума Великобритания объявила войну Германии и направила войска на помощь Франции.

6 августа Австро-Венгрия объявила войну России.

На территории четырех губерний и областей Западной Сибири и Степного края, которые входят в состав Омского военного округа, развернулась широкомасштабная деятельность военных и гражданских властей региона по призыву в ряды армии и флота резервистов и новобранцев. Благодаря проделанной работе сотни тысяч военнотружущих-сибиряков в кратчайшие сроки уже пополнили ряды русской армии...»

Михаил оторвал взор от газеты.

– Война... – как-то бесцветно без эмоций произнёс он. – Я что-то слышал краем уха в сыском отделении...

– Вы готовы послужить царю и отчеству? – в свою очередь жёстко спросил Басов.

– Так точно, господин подполковник... Прошу отправить меня как можно скорее на фронт...

– Похвальное рвение, агент! Только скорее не получится, пока не укомплектуют 38-й пехотный Тобольский полк. Я выхлопочу вам чин ефрейтора. Больше, братец, помочь не смогу ничем.

В этот момент Венгеров подумал: «Пусть пуля настигнет меня в бою, и как можно скорее...»

1914 год. Село Спасское

Яблочный Спас, иже Преображение Господне, в селе встретили сбором наливных яблок и румяными пирогами. Изрядно располневший, поседевший и, увы, постаревший отец Александр, облачённый в праздничные белые одежды, освящал урожай в Спасском храме. Пришли на службу и Хлюстовские в полном составе: Станислав, Злата, Николай с женой Катериной и сыном Иваном. Кристина с мужем Алексеем в храм не входили, остались на паперти – Кристина была беременна.

Зычный голос священника приводил прихожан в трепет:

«...Ты преобразился на горе, Христос Бог, показавший ученикам Твоим славу Твою, насколько они могли видеть; да воссияет и нам, грешным, свет Твой, вечно существующий, по молитвам Богородицы. Податель Света, слава Тебе!...»

По возвращении домой Хлюстовские согласно традиции отведали пирог с яблоками и яблочную творожную запеканку. Мужчины выпили прошлогодней яблочной наливки.

– Слышал я, староста рекрутские списки уже подготовил. На днях из Омска казённые люди прибывают, согласно царскому указу мужиков в армию забирать станут, – произнёс Станислав и испытательно посмотрел на сына с зятем. Те переглянулись.

– Знаем мы, батя, о войне-то... – ответил Николай. – Дык что ж без нас войска мало? Кто ж пахать, сеять станет, коли всех забреют разом с германцами воевать?

Станислав тяжело вздохнул и наполнил свой стакан яблочной наливкой.

– Дай Бог, чтоб всё обошлось... – сказал он и сделал смачный глоток наливки.

– Матка Боска! Что ж теперь будет-то?... – сокрушалась Злата. – Ведь Наколашу с Алексеем призовут...

Кристина взглянула на мужа.

– Не пушу... – сказала она. – Как я тут одна с дитём-то управлюсь?... У меня уж пятый месяц пошёл... – она погладила свой располневший живот.

Станислав покачал головой и крякнул.

– Ох, дочка, коли им докажешь чего... Как в старину говорили: баре дерутся, а у холопов чубы трещат. Так и сейчас... Спроси любого мужика: нужна ему эта война? Жили мы здесь на Тартасе и не ведали: в каких землях Германия раскинулась. А теперича вот...

– Ты, Николай, когда маленький был, всё про войну книжки читал... – вдруг вспомнила Злата и утёрла ладонью набежавшую слезу.

– Хорош базгальить... – миролюбиво прервал Станислав. – Покуда наших мужиков в армию не призвали, надобно подумать: кто в этом году на боёвку²⁹ пойдёт?

– А чего ж тут думать-то? – искренне удивилась Злата. – Рыбу коптить и солить надобно. Да и семейство кормить. Кристина в тяжести – нечего ей под лодкой спать, застудится ещё. Пойдём мы с тобою, да Николай с семейством...

– Есть у меня местечко на примете – рыба из воды наружу прыгает... – важно заметил Николай.

– Туда и пойдём, – подытожил Станислав.

...На боёвку Хлюстовские отправились на рассвете. Собрали самоловы для ловли рыбы, еду, тёплые одеяла – шли на пару дней, спать придётся на еловом лапнике под лодками. Погрузились в две лодки: в одной Станислав во Златой, в другой Николай с женой и сыном.

Плыли вверх по Тартасу два часа кряду. Покуда Николай не бросил весла.

– Тихо... Слушайте...

Семейство разом замерло в лодках. В воде послышался отчётливый плеск рыбы...

– Ну что я говорил: с полными бадейками и куканами³⁰ в село возвернёмся.

Мужчины расставили с лодок самоловы-продольники и причалили к берегу. Женщины развели костёр, начали готовить еду. Покуда они хлопотали подле очага, мужчины отправились в лес, чтобы набрать лапника.

К вечеру боёвщики снова погрузились в лодки и отплыли от берега к месту, где установили самоловы с приманкой. Николай бросил в реку туесок с дётгем...

По команде Станислава родичи начали «выбуживать рыбу» – стучать со всей силы по воде вёслами. Оглушённая дётгем и шумом рыба, поднималась на поверхность реки и попадала прямиком в самоловы. «Урожай» выдался знатным...

Женщины насадили несколько крупных лещей из улова на ветки и запекли на тлеющих углях на ужин. После чего семейство расположилось на ночлег под лодками.

²⁹ Боёвка (бой) – ловля рыбы на сибирских реках.

³⁰ Кукан – связка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.